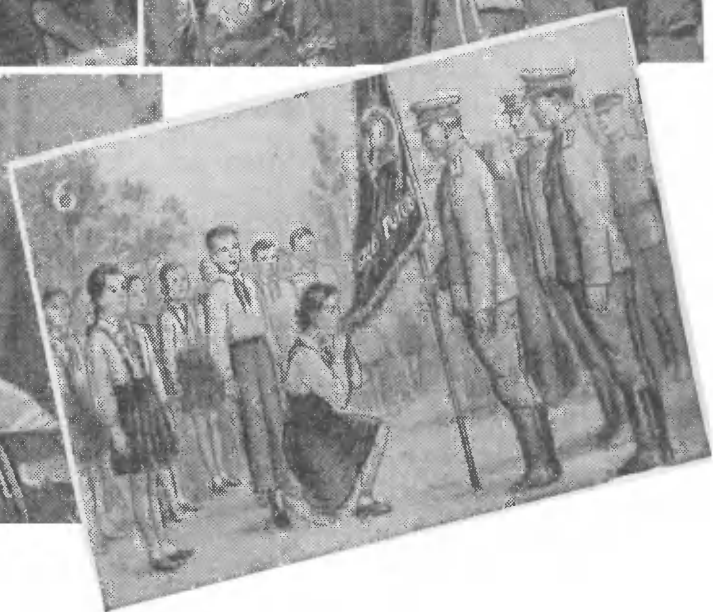

Цескорка

ПИОНЕРСКИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

19 МАЯ исполнилось 37 лет со дня рождения пионерской организации, а со дня присвоения ей имени Ленина — 35 лет!

В этом номере журнала на стр. 2—5 читайте очерк А. Мойжес о рождении и жизни пионерии Ленинграда, а также воспоминания пионера с 1922 г., ныне инженера московского завода «Серп и молот», Л. Подвойского. На этой странице помещаем фотографии к очерку.

Репродукция Г. Сафонова с открыток из коллекции Н. С. Тагрина

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Областного и Городского Советов
пионерской организации имени В. И. Ленина

Рис. Ю. Лаврухина

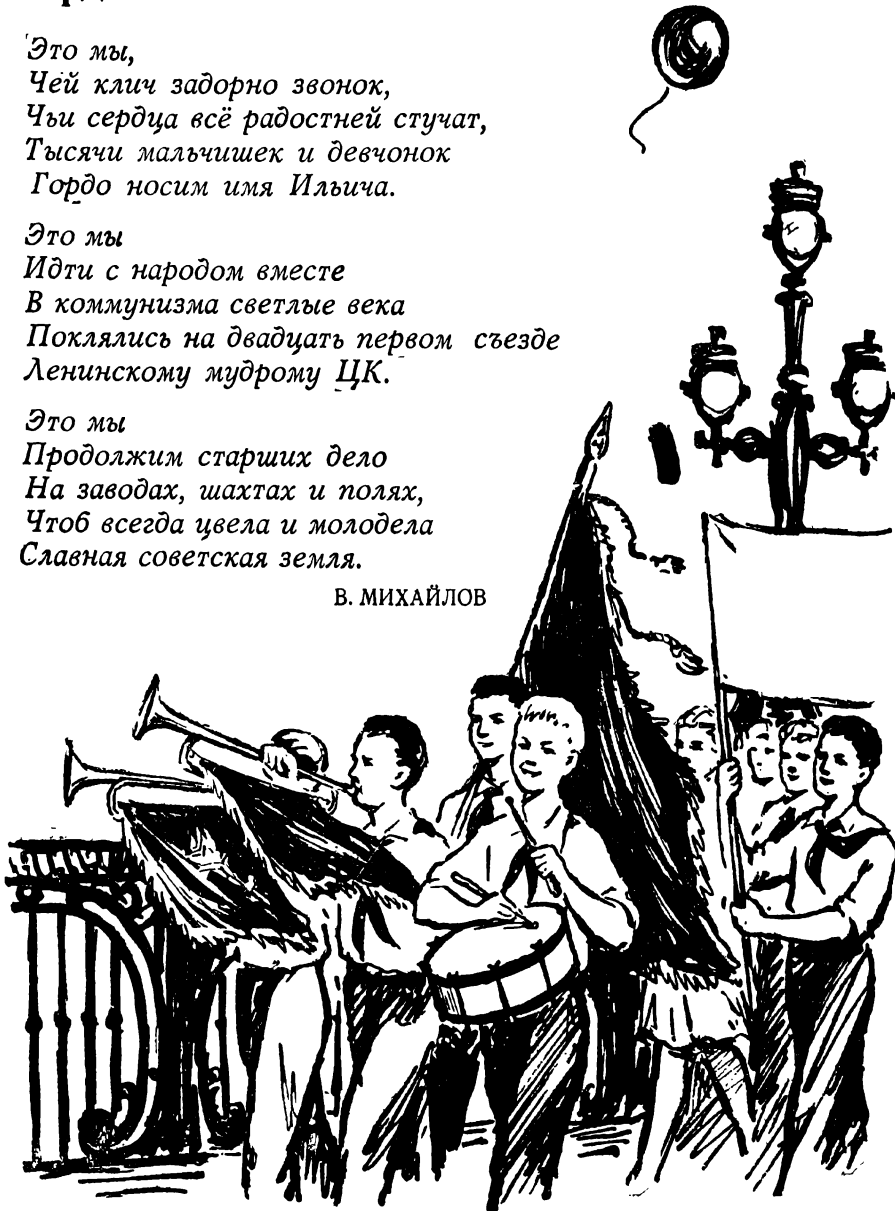
Гордо носим имя Ильича

Это мы,
Чей клич задорно звонок,
Чьи сердца всё радостней стучат,
Тысячи мальчишек и девчонок
Гордо носим имя Ильича.

Это мы
Идти с народом вместе
В коммунизма светлые века
Поклялись на двадцать первом съезде
Ленинскому мудрому ЦК.

Это мы
Продолжим старших дело
На заводах, шахтах и полях,
Чтоб всегда цвела и молодела
Славная советская земля.

В. МИХАЙЛОВ

Пионерский день рождения

(Текст к фотоочерку на 2-й странице обложки)

19 МАЯ — день рождения пионерской организации. Юным ленинцам нашей страны исполнилось 37 лет, а со дня присвоения пионерской организации имени Ленина — 35 лет!

Сегодня мы публикуем серию открыток из коллекции Н. С. Тагрина. Каждая из них — кусочек истории пионерской организации.

На первой открытке — рисунок художника Л. Смехова: «Владимир Ильич Ленин в окружении ребят». Событие, которое изобразил художник, относится к 1919 году...

Ещё задолго до создания пионерской организации в Москве существовал «отряд юных коммунаров». Однажды, в День военного обучения молодёжи, который проводился в Москве 25 мая 1919 года, во время парада к Красной площади подъехала грузовая машина с ребяташками. Машина остановилась далеко от трибуны, с которой выступал Владимир Ильич. Слова почти не долетали до ребят, а подъехать ближе было невозможно — всю площадь заполнил народ. Ребята приуныли. Ведь они так хотели услышать Ленина!

Вдруг из машины выскочил паренёк лет семнадцати, очевидно, он был кем-то вроде жокатого.

— Ждите меня! — крикнул он и исчез в толпе. Работая локтями, из-

виняясь и умоляя пропустить его, он настойчиво пробирался к трибуне. Осталось всего несколько шагов, когда кто-то крепко взял его за плечи:

— Куда?

— К Ленину! — смело ответил паренёк, пытаясь увернуться от цепких рук военного.

— Владимир Ильич сегодня много выступал и очень устал, — мягко сказал военный, загораживая дорогу.

Паренёк смотрел умоляюще, потом попытался юркнуть в сторону, но вдруг с трибуны раздался мягкий, немного картавый голос:

— Пропустите его, пожалуйста!

Уже через минуту паренёк, сбиваясь и краснея, рассказывал Владимиру Ильичу о юных коммунарах, которым так и не удалось послушать Ленина.

Накинув пальто на руку, Владимир Ильич, несмотря на усталость, пошёл к ребятам...

— Дети, подрастающие пролетарии, должны помогать революции, — сказал Владимир Ильич юным коммунарам. И ещё он сказал, что организация детей — это лучший путь воспитания коммунаров.

Золотые ленинские слова стали путеводной звездой пионеров всех поколений...

У пионеров было много хороших друзей, которые заботились и помогали им во всём.

...Михаил Иванович Калинин не раз встречался с ребяташками. Он бывал на пионерских слётах, принимал ребят у себя. На второй открытке изображена одна из встреч пионеров со всесоюзным старостой М. И. Калининным.

...Алексей Максимович Горький очень любил детей. Он говорил: «...пионеры, это — смена, это — резерв, это — законнейшие наследники всего, что сделано и делается».

Пионеры отвечали ему такой же любовью и привязанностью.

На третьей открытке изображён момент, когда пионеры повязывают любимому писателю пионерский галстук.

...Четвёртая и пятая открытки посвящены 1-му Всесоюзному пионерскому слёту, который открылся в Москве 18 августа 1929 года и продолжался целую неделю.

Семь тысяч делегатов съехалось из самых разных уголков нашей страны. Были даже такие ребята, которые впервые в жизни увидели железную дорогу.

Каждая делегация имела свою форму. На четвёртой и пятой открытках — кадры из кинофильма «Пионерский слёт». Пионер с горном — делегат бакинских пионеров. Гармонист в форме юного моряка — одесский пионер.

...Вспомните в последнюю, ше-

стую открытку. С каким благоговением целует край знамени девочка с красным галстуком!

Это знамя спрятали от врага пионеры ст. Касторная. При освобождении города нашими войсками бойцы нашли его в подвале одного из домов и пронесли с боями до Кенигсберга.

В августе 1945 года командование Н-ского ордена Кутузова стрелкового полка передало пионерское знамя его хозяевам.

Рискуя жизнью, пионеры прятали и хранили свои кумачовые галстуки и знамёна. Слава этим ребятам!

Редакция журнала «Искорка» очень советует своим читателям начать коллекционировать открытки из истории пионерской организации. Эти открытки расскажут о многом интересном из жизни юных ленинцев.

А. МОИЖЕС

М а й

Пришёл он с птичьим пеньем
На тысячи ладов,
С зелёным нетерпеньем
Разбуженных садов.

Чтоб груз обыкновенный
Не чувствовал никто,
Он снял со всех мгновенно
Галоши и пальто.

И в праздничных колоннах,
Куда ни погляди,
Везде шумят знамёна,
Что нёс он впереди.

В. ГОРШКОВ

Рис. П. Вискова

АВТОР этой статьи — инженер московского завода «Серп и молот» Лев Николаевич Подвойский. Его отец, Николай Ильич Подвойский, старейший революционер-подпольщик, был участником штурма Зимнего и в дни Октябрьского переворота возглавлял военно-революционный комитет в Петрограде. Николай Ильич близко знал Владимира Ильича Ленина, а Лёва не раз встречался с великим вождём и даже разговаривал с ним.

Лев Николаевич — один из старейших пионеров нашей страны. Он подарил фотографию тех лет, где заснят в пионерской форме.

Л. Подвойский

Рисунки Ю. Лаврухина

35 лет назад

23 МАЯ 1924 года мы с отцом собирались на Красную площадь. Там был назначен первый пионерский парад по поводу присвоения детской коммунистической организации имени Владимира Ильича Ленина.

Старая Ленинская гвардия — делегаты XIII съезда партии — принимали у нас, пионеров, торжественное обещание.

Отец направлялся на площадь как делегат XIII съезда, а я должен быть там в строю 15-го отряда Хамовнического района города Москвы. Провожая меня на парад, отец сказал мне «особым» голосом, как говорят в торжественных случаях:

— Помнишь, сын, в июне 1917 года я взял тебя с собой в автомобиле, когда поехал от дворца Кшесинской за Владимиром Ильичём? Ты сидел с ним рядом в машине. Ильич положил руку тебе на голову и сказал: «Большевиком вырастет». А сегодня на верность ленинским заветам ты дашь клятву, как настоящий воин.

В приподнятом настроении вышел я из дому. Яркий солнечный день

был по-летнему жаркий. От клуба, где занимался наш пионерский отряд, до площади мы шли в строю. Мостовые в Москве были тогда булыжными. Автомобилей встречалось мало, зато ломовых и легковых извозчиков хоть отбавляй. От барабанной дробы, звука горнов, громких пионерских песен лошади испуганно шарахались...

С гордостью шли мы на свой парад. Ещё бы: он будет на Красной площади! Там, где в 1917 году красногвардейцы, обвитые пулемётными лентами, штурмовали ворота Кремля, выбивая юнкеров! Там, где совсем недавно — 1 Мая — железной поступью проходили полки Красной Армии, а в январе в жестокий мороз траурные колонны людей со скорбным молчанием провожали в последний путь родного Ленина!

Теперь против деревянного Мавзолея собрались все пионеры Москвы, около 10 тысяч человек.

С деревянной трибуны, расположенной около Мавзолея, на нас смотрели большевики со всех концов страны. Ждали президиума съезда.

— Идут! — точно ветер в камышах, зашелестело от края до края площади.

Из Спасских ворот Кремля вышла группа людей. Их знали все пионеры Москвы. Они приезжали к нам на сборы отрядов, в школы. Мы видели их на площади во время парадов, на митингах.

— Держинский, Сталин, Калинин... — от пионера к пионеру бежал шёпот по рядам. Хотелось рассмотреть всех. Невольно мы поворачивали головы, когда мимо нас проходили руководители партии.

Вот прошли в военной форме, с ромбами на рукавах три командарма гражданской войны: М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, С. М. Будённый... Я узнал ещё Е. Ярославского, Н. К. Крупскую, М. И. Ульянову...

— Смирно! — звучит команда.

Мы все застыли на месте. Ни один пионер не шелухнётся в строю. Над нами горячее, палящее солнце. Мы стоим, смотрим вперёд и слушаем, как с Мавзолея старейший революционер Феликс Кон произносит слова торжественного обещания. Мы повторяем их, а у Кремлёвской стены и где-то в переулках откликается эхо.

Лица у ребят строгие, торжественные. Наверно, они так же, как и я,

думали про себя: «Навсегда мы запомним этот парад. Нашей клятве мы будем верны всю жизнь!»

С трибуны Мавзолея старые большевики поздравляли нас с принятием торжественного обещания. И впервые обращались к нам, уже как к юным ленинцам.

— Юные ленинцы! — говорили они. — Вы теперь носите славное имя нашего великого вождя и учителя. Вы должны расти и учиться по-ленински!.. К борьбе за рабочее дело будьте готовы!

И в ответ голоса нескольких тысяч пионеров, слившись вместе, прозвучали на всю площадь, словно голос могучего великана:

— Всегда готовы!

И тут раздались слова команды, совсем как на военном параде:

— К торжественному маршу... Поотрядно... Дистанция на одного линейного...

От района к району, от отряда к отряду передавались слова команды. Оркестры заиграли марш. Пионерские отряды торжественным строем прошли мимо Мавзолея, приспущенная знамена. Военные отдавали нам честь, старые большевики приветственно махали руками, провожая каждого пионера в большой и счастливый путь.

Четвёртое «чудо»

О Ч Е Р К

«ТАИНСТВЕННАЯ» БУТЫЛКА

ГЛЕБ закрыл чемодан и удовлетворённо пощёлкал языком. Всё готово! Остаётся проститься с друзьями, увязать книги и... в дорогу.

Раньше Глеб Жуликов отдыхал в пионерском лагере. А в это лето упросил маму, чтобы она отправила его, к бабушке, которая живёт на далёком побережье Камчатки. Из Петропавловска Глеб полетит к ней на самолёте, на самом настоящем самолёте! Правда, ребята-одноклассники отговаривали его от такого путешествия. Два дня назад они «наесли» на Глеба.

— Зимой больше всех говорил о походах, а теперь — в кусты? — приступал к товарищу Гена. — Всё один хочешь, да?

— Что ты пристал? — огрызнулся Глеб. — Подумаешь!.. Я и так увижу всё с самолёта.

В общем, разговор получился резкий, злой. Вспоминая его сейчас, Глеб заново переживал случившуюся размолвку.

...В это время дверь открылась, и вошли... одноклассники.

— Пошли купаться, — как ни в чём не бывало сказал Гена. — Ох, и местечко подыскали!

— Пошли! — обрадованно воскликнул Глеб. В 14 лет обида долго

не живёт в мальчишеском сердце, особенно, когда ярко светит солнце, ласково набегают на берег зеленоватые океанские волны.

Вот и бухта.

Первым нырнул Гена. Он надолго скрылся под водой, и вдруг показалась его голова.

— Ребята! Я... я... что-то нашёл!

В руках Гена держал тёмную ребристую бутылку, облепленную водорослями, запачканную грязью. Горлышко находки было залито зелёным сургучом, чем-то промаслено.

«Везёт же этому Генке! — с завистью подумал Глеб. — Прошлой лето он откопал какую-то диковинную монету. Её сразу взяли в музей. И вот опять...»

Гена острым камнем отковырнул сургуч, на горлышке обнажилась чёрная деревянная пробка, Гена подцепил её гвоздём и медленно потянул на себя. На гальку вывалилась пожелтевшая бумага, свёрнутая в трубку.

— Карта! — прошептал Гена, развёртывая бумагу.

На ней изображался полуостров Камчатка, местами перерезанный чёрной ломаной линией. Под рисунком карты пробивались расплывчатые буквы: «...чина службу государству... мы... Охотскому мор... три чуда Камчат... крестами... к сему

прилагаем маршрут... нач. экспедиции Альбатрос...»

— Смотрите, крестики стоят! — сдавленным голосом произнёс кто-то.

Больше на жёлтом листке ничего нельзя было разобрать.

— Это же путь погибшей экспедиции, — догадался один из мальчиков, проведя пальцем по чёрной линии. — Вот здорово! Может, она ещё не погибла?.. Успеем спасти её?

— Скавал! — усмехнулся Глеб. — Не видишь, какими буквами написано? Как бутылка сюда попала?

— Известно как, — перебил товарища Гена: — течением занесло. Я слышал про такой случай.

Ребята договорились, что про таинственную находку пока никому не расскажут. А во время путешествия обязательно попытаются раскрыть загадку карты.

ГЛЕБ явился домой взволнованный. Перед глазами возникали неясные слова на карте. О каком чуде рассказывают они? Может быть, путешественники когда-то наши клады и не успели раскрыть их?

Всю ночь Глеб ворочался с боку на бок, тяжело вздыхал. Рано утром он побежал в Дом пионеров, где уже несколько дней подряд собирались ребята, готовясь к далёкому походу.

В коридоре, в комнатах кипела вся работа. Туристы пришивали к рюкзакам новые ляжки, кто-то проверял компас, Валерик Пешехонов приделывал к сапёрной лопатке ручку. В самой просторной комнате собрались юные зоологи, археологи, фотографы, собиратели легенд.

— Заходи, не стесняйся, — позвал Гена.

Глеб хотел сделать равнодушное лицо, но любопытство побороло, он подошёл к ребятам.

— Во! И тебе дело есть, — вдруг вспомнил Гена: — перерисуй ту карту... Помнишь? Обновить надо.

— Ко... когда?

— Сейчас!

Через несколько минут Глеб, выгнув кончик языка, с таинственным

видом склонился над столом. Он с особым усердием вырисовывал линию, многозначительные крестики. И тут он заметил, как жирная ломаная черта прошла совсем рядом с посёлком, где живёт его бабушка. Вот это здорово!

— Как дела? — спросил подошедший Гена и добавил: — Зря ты отказываешься с нами... Видишь на карте, сколько нам открывать?

Глеб сильнее засопел носом, наморщил лоб.

— Подумай! Смотри, завтра зайдём...

Гена сдержал обещание. Отправляясь в путешествие, он с ребятами остановился перед Глебовым окном.

— Не пойдёт он, — неуверенно сказал кто-то.

— Я сейчас! — крикнул Гена друзьям, направляясь к подъезду.

В это мгновение дверь парадного растворилась, на крыльце показался Глеб с рюкзаком на плече. Ему что-то кричали мать в раскрытое окно, маленькая сестрёнка, но мальчик ничего не слышал. Его обступили ребята. Путешествие по старой карте Альбатроса началось!

УЖЕ на другой день туристы дошли к первым вулканам, из кратера которых поднимался белёсый дым. У подножья пионеры заметили ноздреватые камни — туф. Одна из девочек подошла к огромной глыбе туфа, легко подняла его и бросила «камень» в воду озёрка. Глеб удивлённо заморгал. Камень не утонул.

— Как вы думаете, почему? — спросила Евдокия Фадеевна, руководитель похода.

— Знаем! — откликнулось сразу несколько голосов. — Удельный вес туфа легче удельного веса воды!

«Плавающий камень» заинтересовал многих ребят. Неплохой строительный материал приготовила здесь природа. Интересно, сколько его накопилось вблизи Авачинского вулкана?

Через несколько минут первые разведчики уже медленно поднимались по склону огнедышащей горы. Под ногами робко пробивалась трава,

тонкие берёзки, словно в испуге, жались к камням, кое-где виднелись жалкие островки зелёного мха. Вот попался первый обгорелый пенёк, облепленный застывшей лавой. Зелёная поросль совсем исчезла, в воздухе стоял тяжёлый запах серы. Дышать становилось всё труднее и труднее.

— Назад, ребята, — крикнула Евдокия Фадеевна, — дальше опасно!

КЛАД ПОД ЗЕМЛЕЙ

ОКОЛО Начикинского озера Гена достал из рюкзака карту, которую выловил вместе с бутылкой.

— Видите, — сказал он ребятам, — крестик стоит? Давайте исследуем это место.

— Правильно, — поддержал Глеб.

И тут пионеры узнали, что около озера трудятся археологи.

«Опередили», — с досадой подумал Глеб.

Но ребятам всё равно захотелось поработать под руководством настоящих учёных. Те юные путешественники, которые не взяли с собой походных лопаток, на ходу мастерили каменные кирки.

Археологи приняли ребят приветливо. Объяснили им цель раскопок, показали место для работы. Первому повезло Гене. Под слоем мелких

камней, земли открылись углубления правильной формы.

«Юрты стояли», — догадался Гена, вытирая рукавом лоб.

К ребятам подбежал Валерик Пешехонов. В его руке лежали два каменных топорика. Пока Валерий показывал друзьям находки, Глеб не зевал. Он ожесточённо копал в том месте, где несколько минут назад работал Валерик. И вдруг... из-под рыхлой земли высунулся загадочный нож. С обеих сторон у него были ручки. Что это? Глеб подбежал к археологу, который трудился недалеко от него.

— Вот это находка, — похвалил учёный, — скребок откопал! Ительмены обрабатывали им шкуры.

Передав нож учёному, Глеб снова принялся за работу. Вскоре он откопал длинную костяную иглу. С её помощью древние жители Камчатки шили из шкур одежду.

Глеб словно листал чудесную книгу земли, которая раскрывала ему историю жизни древнего народа полуострова...

— Не зря здесь крестик стоял, — сказал на другой день Гена Глебу, — вот так чудо-клад нашли! Карта не подвела!

«В дорогу! В дорогу!» — запел вдалеке пионерский горн.

ПУТЬ путешественникам преградила стремительная горная река. Вокруг стоял шум, какой бывает около водопада. Брызги веером разносились в воздухе, радужно сверкая на солнце. Глебу хотелось пить, но к реке страшно подойти. Так и кажется, что поток подхватит, закружит, унесёт с собой.

Гена с группой разведчиков отправился искать переправу. Через час они вернулись усталые.

— Нет лодки, — сообщил Гена, — она на том берегу.

Разведчики рассказали, что лодка здесь ходит по металлическому тросу, протянутому через реку и закреплённому на скалах. Ребята приуныли: ночевать на этом берегу никому не хотелось.

— Эй, ло-одку! Перевозчик! — неслось над рекой, но на эти голоса отзывался только шум потока.

В эту минуту на крик ребят пришёл старший вожатый из соседнего пионерского лагеря.

— Заходите к нам в гости, — позвал он ребят, — утром что-нибудь придумаем.

— Дельный совет, — поддержала юношу Евдокия Фадеевна.

Некоторые ребята заулыбались:

— Что мы — труссы?

Вожатый, видя, что гостей всё равно не уговоришь, сказал:

— Пошли!

Он остановился около троса, перекинутого на другой берег реки. Ребята поняли, что задумал юноша.

— Ждите меня через двадцать минут с лодкой!

И тут к Евдокии Фадеевне подскочил Гена:

— Разрешите, я переберусь. Честное слово, не подведу!

Видя, что вожатый уже повис на тросе, Гена дёрнул его за рубашку:

— Во... возьмите!

Он передал юноше два топорика. Металлические части их, положенные одна на другую, были накрепко связаны шнуром. Получилось что-то вроде блока. Этот блок, между ручек которого был вставлен трос, заскользил вниз, унося вожатого. Смелый юноша крепко держался за оба топорика. Ребятам было стыдно и

неловко, что своим упрямством они заставили фисковать жизнью вожатого.

«Докатившись» до середины реки, «блок» остановился. Дальше трос шёл на подъём. Над клокочущей водой повисла одинокая фигура. Она почти касалась ногами стремительного потока. Гене даже показалось, что юноша обессилел, сейчас разожмёт пальцы...

Но вожатый не сдавался. Он медленно перебирал руками по канату, временами подтягивался и ложился животом на трос — отдыхал. Последние метры он преодолевал с особым усилием. Попробовал снова подтянуться, но не смог, — отдыхал на вытянутых руках.

— Ура! — прокатился над рекой дружный возглас. Это закричали ребята, когда вожатый прыгнул прямо в подошедшую лодку.

Началась нелёгкая переправа через реку. Все держались за трос, иначе лодку могло занести кормой или носом, оторвать и тогда...

Нелёгким был этот переход для Глеба. От долгой ходьбы на ногах появились мозоли, плечи ныли от тяжести рюкзака. Видя, что другие ребята тоже устали, но никто не признаётся в этом, мальчик крепился.

Второе чудо Камчатки пионеры встретили совершенно неожиданно. Даже Гена не мог его предсказать, хотя у него была не только старая, но и новая карта. Она тоже устарела,

КАМЧАТСКИЙ „ДЕДУШКА МИЧУРИН“

В ОТ уж чего нельзя было ожидать в этом северном районе так это сада! Тут короткое лето, много холодных, ветреных дней, часто бывают заморозки — и вдруг сады! Не чудо ли?

Ещё издали ребята увидели бородатого старика, одетого, несмотря на июньские дни, в полушубок и шапку-ушанку. «Дедушка Мичурин» оказался не очень разговорчивым, но, когда ребята поинтересовались садом, он ожил.

— Пойдёмте, покажу своё богатство, — сказал садовод, — а чуда здесь никакого нет... Руки вот...

Лет двадцать назад Константин Данилович Антонюк посадил в

дотронулся до пуговки полушубка, — а там за вами дело...

Глеб заметил, как вдоль изгороди протянулись красным пунктиром какие-то молодые побеги — ревенё.

— Хотите полакомиться? — спросил дедушка.

— Хотим, — за всех ответил Глеб.

Ревень для отдалённых мест Камчатки заменяет яблоки и сливы. Из него готовят варенье, пастилу, начинают им пироги. В этом растении содержится много сахара, яблочной кислоты. Для жителей полуострова это имеет особое значение — предохраняет от цинги.

На прощанье Константин Данилович подарил ребятам разные семена.

— Выращивайте на здоровье, — сказал он, — я ещё пришлю...

своём огороде три черенка чёрной смородины, привезённой кем-то с Большой земли.

— Зря, — говорили «дедушке Мичурину» старожилы, — смородина у нас не примется...

А сейчас у садовода уже большой сад. В нём растут крыжовник, малина, клубника...

Садовод подвёл ребят к низкорослым яблонькам, сливам.

— Десяток годков бьюсь над ними, прижились, голубушки! Зимой устояли, теперь пойдут в рост. Мне хоть бы с эту пуговку вырастить яблочко, — Константин Данилович

Путешественники вышли на берег маленькой говорливой реки. Путь их лежал в «глубинку», в труднопроходимые районы, к Курильскому озеру, к морю...

МОРЕ ЗОВЕТ

А МОРЕ звало к себе крепким солёным ветром, призывным криком чаек, которые вились над огромным камнем, сброшенным кем-то в озеро. Очертания камня напоминали форму сердца.

— Как он сюда попал? — спрашивали друг у друга ребята.

— Это, наверно, какой-нибудь бог был у древних, — предположил Глеб.

— Ошибаетесь, ребята, — вмешалась Евдокия Фадеевна. — С этим камнем связана интересная легенда. В Охотском море есть остров-вулкан Алаид. Когда-то вулкан стоял на месте этого озера. Его вершина постоян-

но дышала теплом и светом, согревая соседние сопки. Но пришло такое время, когда Алаид перестал давать тепло. Он превратился в холодную сопку, стал загораживать своих соседок, бросал на них тень в солнечную погоду. Однако вулкан всё равно гордился своим величием, высотой. Рассердились сопки и прогнали затухший вулкан в море-океан.

— Живи один, — сказали они. — Ты не хочешь давать нам своего тепла, но любишь пользоваться чужим!

Алаид ушёл, но каменное его сердце не захотело жить в одиночестве, оно осталось здесь. И сейчас гордый Алаид нет-нет да и пришлёт к сердцу крылатых посланцев — чаек, чтобы они уговорили его перебраться в море, к своему хозяину. Но чуда такого не произошло. Сердце стоит непреклонно, оно знает, что счастье его рядом с соседними вулканами.

— Кто эту сказку только выдумал! — смущённо поморщился Глеб. — Ведь камень выбросил вулкан...

Глеб был прав. Озеро находилось на месте бывшего кратера огнедышащей горы. Вулканы, гейзеры, горячие ключи называют чудом Камчатской земли. Советские учёные

давно заинтересовались этим чудесным даром природы. В 1954—55 годах на полуострове побывала комплексная экспедиция Академии наук. Исследователи подсчитали, что только в долине реки Паужетки подземные источники смогут дать энергию в несколько тысяч киловатт. И вот совсем недавно на месте строительства геотермической электростанции началось разведочное бурение. Разведчики тщательно исследуют трещины, по которым идёт пар. Пар подземных ключей обогреет дома Петропавловска-на-Камчатке, теплицы, оранжереи. Он поможет людям добывать из морской воды поваренную соль, которую сейчас для рыбокомбинатов возят за тысячи километров.

Во время путешествия юным туристам повеселилось самим посмотреть на работу ключей и гейзеров. Кончилось продовольствие, и ребята решили зайти в какой-нибудь из колхозов, расположенных в долине Озерновских ключей. День был холодный, морской ветер дул не ослабевая. Но как только туристы подошли к ключам, — всё переменялось. В долине клубился лёгкий пар, тепло земли чувствовалось даже через подошву. Повсюду журчала горячая вода.

Гена и Валя пошли в колхоз закупать продукты. Вернулись они с наполненными рюкзаками, где лежали хлеб, картофель, яйца, крупы.

— Я буду костёр разводить, — предложил Глеб.

— Без огня сварю, — сказала Валя, — чудо поможет. Пошли!

Гена и Валя загадочно переглянулись. Они с удивлением рассматривали выемку правильной формы. Какой мастер так отшлифовал её стены и потолок?

Камни вдруг зашипели, из-под них вырвалась сильная струя горячего пара, ударил водяной фонтан. Все, как по команде, отскочили в сторону. Фонтан бился о каменный навес, словно старался прорваться сквозь горную толщу. Загадка открылась. Это фонтан гейзера проделал в скале такое углубление, отшлифовал его. Никто не заметил, как Валя, завязав несколько клубней картофеля в марлю, прицепила такой «котелок» к длинной палке и сунула его в струю кипящей воды.

— Откуда ты узнала? — спросил Глеб у Вали.

— Колхозники в деревне сказали. Они тут рыбу варят, яйца...

Ребята своими глазами увидели,

как люди используют дар суровой Камчатки. Они выращивают ранние огурцы, редиску, картофель, горячей водой обогревают дома. (Кипяток идёт к ним по трубам).

После экскурсии в колхоз Гена достал карту, что-то записал.

— Вот это чудо видели! — сказал он. — Эх, жаль, погибли те путешественники!

— Ты откуда знаешь? — удивился Глеб.

— Уж знаю, — неопределённо ответил Гена и незаметно улыбнулся: — Карту-то мы... того... сами...

Глеб внимательно поглядел на ребят и вдруг всё понял.

Его обманули! Всё нарочно подстроили! А он всему верил!

Друзья не могли больше сдерживать себя, послышался дружный весёлый смех. Глеб поджал губы, но почему-то было совсем не обидно. Ведь за эти недели он узнал столько нового, интересного, увлекательного. Он никогда не думал, что Кам-

чатка, суровая Камчатка так богата, щедра, люди её так мужественны.

К вечеру, обогнув болото, пионеры вышли на развилку дорог. Тут Глебу предстояло расстаться с друзьями (вы не забыли, что он шёл к бабушке?).

— Ну, до встречи! — попрощался первым Гена, подавая руку. — Извини, что так...

— Гонишь? — обиделся вдруг Глеб. — А я раздумал... с вами хочу... дальше...

Туристы остановились, плотным кольцом окружили Глеба. Он стоял смущённый, взволнованный, ковыряя носком сандалии кочку.

— Вот и правильно! Пошли! — закричали со всех сторон ребята. — К бабушке мы вместе зайдём!

— Произошло четвёртое чудо! — торжественно произнёс Валерик Пешехонов.

— Какое? — не понял Глеб.

В разговор вмешалась Евдокия Фадеевна:

— Помнишь гордеца Алаида, его сердце? Я ведь тогда не случайно рассказала о нём. Сердце-то и у тебя было всегда с нами, а вот... сам...

— Считай себя Алаидом, — засмеялся Гена, — сердце тебя привело к нам.

Вместе с товарищами развеселился и Глеб. На душе стало совсем легко, как бывает в праздник.

Петропавловск-Камчатский

Где три туриста?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Давно в котелке поспекает обед,
А что-то туристов поблизости нет!

РАССКАЗ

В ХМУРОМ небе грохочет гром. Ослепительно вспыхивают сплохи молний. Ливень неистовыми струями хлещет по окнам, пузырится в лужах, бьёт в лицо бегущему мальчугану. А он, словно не замечая ни ливня, ни грозы, мчитя вперёд, бережно прижимая что-то к своему телу.

Босой, мокрый и счастливый мальчишка пулей влетает в комнату и быстро захлопывает за собой заскрипевшую дверь.

— И где только тебя носит в такую погоду! — сердито говорит Олеся, глядя на своего вымокшего брата.

— У председателя колхоза был, — буркнул Миколка.

— А что у тебя под рубашкой?

— Сын Пальмы. Мне его сам дядя Степан подарил. Вот посмотри. — И Миколка показал острую мордочку щенка, повизгивавшего от холода и страха.

— Фи, какой некрасивый! — презрительно сжав свои тонкие губы, говорит Олеся.

— Много ты понимаешь! Это же овчарка. Понимаешь — овчарка!

Все пионеры села прекрасно знали Пальму. Она когда-то находилась на пограничной заставе, брала след

многочасовой давности, задерживала нарушителей государственной границы. А когда овчарка состарилась, начальник заставы подарил её председателю колхоза Степану Тимофеевичу Соколовскому, с которым его связывала давнишняя дружба.

Вечером, когда вся семья собралась ужинать, щенок неуклюже выполз из-под кровати, зевнул и, скосив голову набок, уставился на аппетитные пельмени.

— А этот хищник откуда появился? — шутливо спросил отец.

— Сама первый раз вижу, — изумилась Миколкина мама.

— А я знаю откуда, — лукаво сощутив свои карие глаза, сказала Олеся.

Миколка незаметно под столом толкнул её ногой, а потом спокойно сказал:

— Мы, пап, на сборе нашего отряда решили вырастить несколько служебных собак и отдать их пограничникам. Вот я и принёс этого. Мне его Степан Тимофеевич подарил.

— Ну, что же, пускай растёт. Хорошее вы дело затеяли. Только смотри, чтоб с учёбой порядок был!

Миколка и не думал, что всё закончится так благополучно.

— Папа, а как мы его назовём?

— Как тебе хочется, так и будем звать.

— Давайте назовём его Грозным, — вдруг совершенно серьёзно предложила Олеся. — Его ведь Миколка во время грозы принёс.

— Грозной — слово какое-то тяжёлое. Лучше уж Грозный. Правда, здорово — Грозный! — довольный своим предложением, с восторгом произнёс мальчик.

Так и стали с того памятного вечера звать щенка Грозным.

Шли дни, недели. Миколкин воспитанник быстро рос. Приготовив уроки, пионер почти каждый день уводил его к лесной опушке. Сюда же приходили и другие школьники, которым отряд поручил воспитание щенков.

Ребята подолгу занимались дрессировкой собак. Они заставляли их приносить брошенные ветки и палочки, прыгать через барьеры, подавать голос. Очевидно, учёба подвигалась

хорошо потому, что главным консультантом у пионеров был знаток этого дела — сам дядя Стёпа.

Наиболее способным воспитанником оказался Грозный. Через несколько месяцев он хорошо выполнял все команды Миколки. Рослый, красивый, со стоящими ушами, он бесшумно ползал по траве, легко перепрыгивал через заборы, а по команде «фас!» с яростью бросался на чучело и валил его на землю...

Как-то в воскресенье Миколка отправился со своим Грозным к Петрусью, что жил на железнодорожном полустанке «Минутка», как в шутку называли его колхозники.

Осенняя погода изменчива. Не успел пионер пройти и полкилометра, как подул сильный, порывистый ветер, а на небо наполнились тяжёлые свинцовые облака.

— Давай-ка, Грозный, прибавим шагу, а то, неровен час, и под дождём искупаемся, — потрепав собаку по густой шерсти, сказал мальчик. Грозный, будто понимая юного хозяина, вильнул хвостом и побежал быстрее.

Далеко-далеко загудел пассажир-

ский поезд. Он ровно на минуту останавливался на полустанке, а потом, словно сердясь за такую короткую остановку, быстро убежал к областному центру. И плохо было пассажиру, который опаздывал на поезд, — следующего приходилось ждать целые сутки.

Раздумывая об этом, Миколка вдруг увидел незнакомого человека. Согнув в локтях руки, он, как хорошо тренированный спортсмен, быстро бежал к станции.

«Красиво бежит, — подумал Миколка. — Наверное, на поезд торопится».

Но что это? В воздухе гулко прокатился выстрел, а вслед за ним на опушке показался бегущий пограничник.

«Нарушитель! — мгновенно сообщил Миколка. — Пограничник далеко, не успеет. Враг может уйти! Нет, не бывает этому!»

— Грозный, фас! — дрожа от волнения, почти крикнул пионер и спустил с поводка собаку.

Услышав знакомую команду, Грозный рванулся вперёд и, прижав уши, помчался наперерез неизвестному. Тот, увидев мчащуюся собаку, вскинул револьвер и, не целясь, выстрелил. Пуля жикнула где-то рядом. Нарушитель и собака скрылись за деревьями.

Когда Миколка и рядовой Силин подбежали к берёзовой роще, они увидели Грозного, стоящего на груди человека в защитной гимнастёрке. Широко раскинув руки, он лежал на земле, глядя с ужасом обречённого в оскаленную пасть собаки. Недалеко от нарушителя валялся его револьвер.

Вот в этот-то день и пошло из части первое донесение. В нём сообщалось о пионере Миколке и его воспитатнике Грозном.

А через несколько дней пионеры должны были передавать выращенных ими собак на заставу. Пришло время и Миколке расстаться со своим четвероногим другом...

Такого ещё не случалось, чтобы на заставе проводился пионерский сбор.

Поэтому пограничники готовились к нему тщательно, как к необычному, праздничному событию. Они навели образцовый порядок во дворе, надели выходное обмундирование, до блеска начистили знаки отличия и снаряжение. И когда солдаты услышали волнующие звуки горна и дробные удары барабана, у них всё было готово к встрече дорогих гостей.

Словно светлее стало на заставе от кумачовых галстуков и детских улыбок, когда пионеры с развевающимся знаменем пришли на заставу. Рядом с собой они вели служебных собак.

Никогда Миколка не забудет этот памятный сбор. Строй пионеров стоял напротив строя пограничников. Пионервожатый и директор школы произнесли краткие речи. Им отвечал начальник заставы. А после... А после Миколка из рук в руки передал своего Грозного следопыту Силину. У мальчика что-то захолонуло в груди, тугой комок подступил к горлу. Но Миколка сдержался. Твёрдым голосом, глядя прямо в глаза пограничнику, он сказал:

— Пусть Грозный верно служит Родине!

Цель Славика

Есть у Славика Царёва
Цель заветная одна.
Даже дал себе он слово,
Что исполнится она.
Всем твердит он неустанно:
«Я хочу гимнастом стать».
Почему ж не любит рано
На зарядку он вставать?

И свидетели найдутся,
Хоть не дружит он ни с кем,
Даже раза подтянуться
Он не смог на турнике.
При таких делах Царёва,
При мечтании одном
Он своё не сдержит слово
Ни сейчас и ни потом.

Рая ФЁДОРОВА
5-а класс, 286-я школа

В р а ч

Бьётся пульс учащённо
Под рукою врача,
Дрожь проходит по телу,
Голова горяча.
По щеке материнской
Пробежала слеза:
Я впервые за месяц
Открываю глаза.
Я лежу удивлённый —
Утром сняты бинты.
А за рамой оконной
Мне кивают цветы.
Я мгновенно влюбился
В расступившийся мир.
Врач над койкой склонился:
«Не грусти, командир!»
На тесёмке халата
Узелок завязал,
Портсигар из кармана
Машинально достал.
И на спинку кровати
Опустилась рука,
А в руке сигарета
Задрожала слегка.

Миша КАЛЕДИН
6-й класс, 281-я школа

Рисунки А. Ковалёва

ОСЕНЬЮ 1917 года солдат Леонид Ильич Борисов пришёл в Смольный и сказал, что хочет работать для революции.

С тех пор прошло много лет. Л. И. Борисов служил в Красной Армии, в роте особого назначения, — помогал очищать Петроград от спекулянтов и других элементов, вредивших молодой советской республике.

Позже он работал в Политуправлении Петроградского Военного Округа.

В свободное от работы время Леонид Ильич писал стихи и рассказы. Его учителями в литературе были Александр Блок и Максим Горький. Это они помогли Борисову стать настоящим писателем.

В книгах Борисова много интересных приключений и неразгаданных тайн, много рассказов о Гоголе и Некрасове, Грине и Чехове, Тютчеве и Блоке.

В 1955 году вышел его увлекательный роман о Жюль Верне. Для школьников была написана повесть «Утро обещает». В 1957 году появилась ещё одна интересная книга — «Под флагом Катрионы» — об известном английском писателе Роберте Льюисе Стивенсоне.

Л. И. Борисову уже за шестьдесят. Но он полон сил и творческих замыслов. Писатель обладает редкой памятью, которая хранит воспоминания о Горьком и Куприне, Блоке и Есенине, Маяковском и Бунине.

Над книгой своих воспоминаний о встречах с этими людьми и работает сейчас ленинградский писатель Леонид Ильич Борисов.

Леонид Борисов

Рисунки Г. Филипова

Флейта и Афанасьевы

РАССКАЗ

В **НОВОЙ** квартире всё было так, как о том мечталось Николаю Петровичу и его жене: три квадратных, светлых комнаты, маленькая кухня, ванная, антресоли в прихожей, газ и паровое отопление. Через неделю поставили телефон, и Николай Петрович окончательно устроился на новом месте.

Весь день он проводил в мастерской архитектора и на строительстве жилых домов, хлопотал о всевозможных мелочах, сердился, нервничал, радовался, а вечером, часов в семь, приходил домой и сразу же после обеда садился за работу. В квартире было тихо, тепло, уютно. Но вот однажды, дней через пять после переезда, где-то, не то внизу, не то наверху, заиграли на флейте. Кто-то, очевидно, репетировал — тянул одну и ту же ноту пять — шесть минут, потом играл короткую, отры-

вистую мелодию и ненадолго замолкал.

Николай Петрович оставлял работу и, недовольно сдвинув брови, нетерпеливо ожидал, когда флейта запоёт снова. Проходила минута, вторая, третья, и вот опять — непонятно где, не то внизу, не то наверху, флейта начинала выводить нудную, высокую ноту, и Николай Петрович чувствовал, что работать под такую музыку он не в состоянии.

— Играл бы без остановок, — досадливо шептал он. В сущности, репетиция на флейте не мешала ему, но вот остановки, переходы, паузы и скучное, надоедливое повторение одного и того же мотива доводили до нервной дрожи в руках. Поёт флейта — всё хорошо. Замолкла — и невольно ждёшь, когда же она снова заиграет...

— Ничего себе, приятная штука, — иронически посмеиваясь, говорил Николай Петрович жене. — Недостаёт, чтобы со всех сторон заиграли! Тогда хоть на улицу беги!

Флейта наигрывала с семи до десяти. Однажды, в перерыве между длинной нотой и короткой мелодией, над головой Николая Петровича раздался стук, затем топот множества ног. Николай Петрович оставил свои карандаши, тушь и резинку. Минута тишины, а затем, под аккомпанемент флейты, наверху уронили что-то тяжёлое. На чертежи посыпались тонкие пластиы штукатурки.

— Ребятиш к и бегают, — сказала жена. — Когда ты на работе, они так шумят, что я почти каждое слово слышу. Мне-то, впрочем, они не мешают.

— А мне мешают, — сказал Николай Петрович. — Надо пожаловаться: сходить и попросить, чтобы не бегали. Что, в самом деле, — внизу флейта, наверху бегодня!

Ровно в семь вечера начался ноющий сеанс внизу, а над головой раздалась ритмические мягкие удары, и дочка Николая Петровича сказала, что это играют в мяч. После игры в мяч началась бегодня.

— Нет, это невозможно, я не могу работать! — воскликнул Николай Петрович.

— Поди и скажи, — посоветовала жена.

— Да как скажешь! — вздохнув, произнёс Николай Петрович. — До двенадцати ночи можно делать всё что угодно. Запрети, попробуй! Вот, слышишь, опять эта несчастная флейта!

Он поднял голову, посмотрел на потолок и язвительно проговорил:

— А ну, побегайте!

Наверху словно дожидались, когда их попросят. Сперва поиграли в мяч, а потом начали бегать, роняя стулья и что-то очень тяжёлое. Ни-

колай Петрович вздрагивал и болезненно морщился.

На следующий день он постучался в квартиру ниже этажом. Ему открыл высокий бритый человек с фарфоровой флейтой в руках. Он выжидательно смотрел на посетителя. Посетитель чувствовал себя отвлечённо: лицо у флейтиста было хорошее, доброе, а синие, красные и жёлтые розы на флейте казались не нарисованными, а живыми.

— Прошу простить меня, — неуверенно начал Николай Петрович. — Я инженер. Строю дома. Живу над вами. Я человек нервный, люблю, чтобы было тихо, а у меня совсем не тихо, то есть у меня тихо, — конфузливо поправился Николай Петрович, — но кругом так громко, что прямо — ну, работать нельзя! Над головой бегодня и стукотня, а у вас вот

это... — он потянулся пальцем к флейте. — Я понимаю, вы репетируете и всё такое, но всё-таки...

Николай Петрович принялся объяснять, что и как именно действует, сказал о паузах и ожидании новых репетиционных звуков, о короткой, но милой мелодии, против которой он, Николай Петрович, ничего не имеет, но её-то уважаемый музыкант выдаёт такими микроскопическими порциями, что... Короче говоря... — Николай Петрович развёл руками, опустил голову, поднялся со стула и стал прощаться. Пожал плечами и музыкант.

— Я играю в оркестре Филармонии, — сказал он. — Репетирую ежедневно, это верно. Но иначе я не могу, честное слово, никак не могу!

— Простите, пожалуйста, — чувствуя себя виноватым, проговорил Николай Петрович. — Но вот над головой...

— Сейчас мы готовим новую симфонию, — не слушая его, продол-

жал музыкант. — Я должен быть в форме. Не поиграй я на ней неделю, — он указал взглядом на флейту, — и тогда совсем выйду из игры. Я, если хотите, буду играть в соседней комнате, — может быть, тогда вы ничего не услышите. Вот идите к себе, а я начну играть, а вы потом скажете, мешает или нет. Кстати, вы не для нас ли дом строите?

— На Кировском проспекте? — спросил Николай Петрович, радуясь новой теме разговора. — Он, этот дом, — да, да, совершенно верно, — для оркестрантов Государственной филармонии!

— Батенька мой! — воскликнул флейтист. — А не знаете ли, если не секрет, много ли квартир будет в доме? Дадут мне квартиру, и тогда я уберусь отсюда и мешать вам не буду.

Он засуетился, предложил гостю отпробовать медку и сушёных груш, полученных от тётки, живущей в Батурине, и Николай Петрович любовался его мягкими, округлыми жёстками, с удовольствием слушал его голос, очень похожий на звуки флейты.

— Да вы не беспокойтесь и, прошу вас, играйте, сколько вам угодно, только, если возможно, поменьше пауз, поменьше остановок! — сказал Николай Петрович. — А что

касается нового дома, то милости прошу ко мне, приходите, покажу, поговорим. А что касается флейты, то... нельзя ли почаще ту мелодию, которую вы начинаете и сразу же бросаете...

— Эту? — спросил музыкант и, взяв свою флейту, заиграл что-то весёлое, душевное. Николай Петрович подумал, что если бы ему играли именно эту музыку, то и работало бы лучше. А какое лицо, глаза, улыбка! Наверное, очень хороший, милый человек.

Минут через пятнадцать Николай Петрович стоял в прихожей той квартиры, что была над ним.

— Убедительно прошу, чтобы было потише, гражданка, — говорил он раздражённо. — У меня серьёзная работа, я занят с утра и до поздней ночи, а ваши дети устраивают такую беготню, что я прямо и не знаю, что это такое! Вот! Так нельзя! Это безобразия!

Женщина с полотенцем на плече и алюминиевым котелком в руках, укоризненно поглядывая на мальчику, сидящего на трёхколёсном велосипеде, молча слушала Николая Петровича. А он всё говорил и говорил, жаловался и требовал. Откуда-то вышла девочка с растрёпанной куклой, которую она держала за ноги, вниз головой.

— Настоятельно прошу прекратить шум и беготню, — продолжал Николай Петрович, обращаясь к мальчику и девочке. — Это невозможно, что вы тут вытворяете! Штукатурка отваливается! Кусками летит!

— Так ведь дети же, — произнесла, наконец, женщина. — Они же играют!

— А вы, дяденька, что делаете? — спросил мальчик и подъехал на своём велосипеде вплотную к Николаю Петровичу.

— Покажи, какой у нас мяч, — сказала девочка мальчику. Тот сделал круг и укатил в комнату. Через полминуты он возвратился с огромным мячом, диаметр

его достигал по меньшей мере пятидесяти сантиметров. Мальчик слез с велосипеда, а девочка кинула куклу в угол, и они принялись играть в мяч. Николай Петрович смотрел на них, прикрывая руками лицо, обороняясь от упруго скачущего, позванивающего мяча.

— Мы всегда так играем, — сказал мальчик и, поддав мяч ногой, опять уселся на велосипед. Девочка дотронулась до руки Николая Петровича и робко спросила:

— Вы дома строите, да?

— Да, дома. Строю, — отрывисто проговорил Николай Петрович. — А вы мне мешаете. У меня у самого есть дочка, такая же, как ты, но она не стучит, не бегаёт, никому не мешает.

— Позовите её к нам, ладно? — девочка цепко схватилась за рукав Николая Петровича и, встав на цыпочки, пыталась заглянуть ему в глаза. — Мы в кегли будем играть.

— Воображаю, что только будет! — произнёс Николай Петрович и рассмеялся. Рассмеялась и женщина. Мальчик пообещал достать весь неприкосновенный запас своих игрушек, среди которых имелись поющий волчок и коньки на колёсиках. Женщина ушла в кухню, справедливо

полагая, что ребяташки сумеют лучше, чем она, уладить всё то, в чём сами же повинны.

— А мы к вам придём посмотреть, как вы дома строите, — заявил мальчик. — Хотите, покажу, какой я дом из кубиков построил? Пятнадцать этажей! У меня только башня не держится. Почему башня не держится, а?

Николай Петрович объяснил, почему не держится башня и что нужно сделать, чтобы она не падала. Он смотрел на ребяташек и думал о том, что шуметь теперь они уже не будут. Ну, пошумят и перестанут. Можно будет на правах знакомого прийти и сказать: — Ребяташки, я работаю, нельзя ли потище? — Они и перестанут.

Часа через два к Николаю Петровичу пришли мальчик и девочка.

— Отпустите вашу дочку к нам, — сказали они. — Мы будем тихо.

— А когда новый дом покажете? — спросил мальчик. — Ага, понимаю, — сказал он, проходя в кабинет и останавливаясь возле стола с натянутой на нём калькой. — Вы ещё проекты делаете, я понимаю! Ого, сколько этажей! Двенадцать! А я в Москве видел дом в тридцать шесть этажей, честное пионерское!

Пришёл и флейтист. Он сказал, что переселился в другую комнату и теперь, наверное, его репетиции никого не беспокоят. Николай Петрович сказал, что флейту слушает его жена, но ей она несколько не мешает.

— Да вы играйте там, где играли, — попросил Николай Петрович. — Я, знаете ли, соскучился без ваших «ту-ту». Честное слово! Сижу, работаю и всё жду, когда же вы этот самый мотив...

Николай Петрович не лгал. Он и в самом деле, не слыша сегодня привычных и надоедавших звуков, думал о них так сильно, что, как это ни странно, но работе мешало именно отсутствие того, что ещё вчера раздражало и выводило из себя. И ребятишек не слышать. Кто их знает, что они там делают?! Николай Петрович поднимал голову, прислушивался. Тишина. Ни беготня, ни криков. Совсем нехорошо, когда в твоём кабинете так тихо, словно ты замураван в склепе.

Николай Петрович провёл музыканта к себе, усадил его перед рабочим столом, познакомил с планом нового дома, расположением квартир. Через час новые знакомые вместе ужинали и шутили, и им каза-

лось, что они знают друг друга очень давно. Наверху было тихо, — только один раз там уронили что-то тяжёлое, и Николай Петрович вздрогнул, прислушался, но второго удара не последовало.

— Стул упал, — заметил гость.

— Кресло, — поморщившись, поправил Николай Петрович. Он вспомнил о коньках на колёсиках и стал ждать, когда потолок над его головой зашевелится и загудит. Но всё было тихо, и Николаю Петровичу стало скучно.

В воскресенье он принялся за работу с утра. И в ту именно секунду, когда он обмакнул перо в баночку с тушью, знакомым, обиженно-печальным голосом запела флейта. Николай Петрович отложил перо, прислушался. Вот-вот последует тот мотив, который, наверное, на этот раз догадливый музыкант исполнит от начала до конца. Но флейта вдруг смолкла. Николай Петрович порывисто зашагал из угла в угол. Прошло минут пять. Ни звука. Над головой что-то грохнуло и затихло. Вошла дочь Николая Петровича и попросила разрешения пригласить к себе брата и сестру Афанасьевых.

— Афанасьевых? — переспросил Николай Петрович. — Это каких же Афанасьевых? Тех, что наверху? Приглашай, приглашай, конечно! Да скажи им, пусть они не стесняются, у них там коньки на колёсиках...

— Ты сам запретил, папочка; они и боятся, — сказала девочка. — От этих коньков такой шум, что...

— Кто сказал, что шум? Гм... Ну, и ничего, пусть шум, — пожав плечами, проговорил Николай Петрович, уже тоскуя по шуму и сам не понимая, почему этот шум сперва мешал работе, а теперь получается так, что без шума и вовсе невозможно. — Ты скажи им, что они у нас могут на коньках кататься!

— Нижние жильцы придут жаловаться, нельзя, — качая головой, произнесла дочка. — Ты же сам жаловался!

— На что жаловался? — недо-

вольно спросил Николай Петрович и строго поглядел на дочку. — Когда я жаловался? Я только сказал, что... Я просил, чтобы потише, а так, вообще, разве я... Иди-ка, голубка, к себе. Играй. Не мешай мне работать...

Установились превосходнейшие, дружеские отношения и с ребяташками и с музыкантом. Иногда, когда и внизу и наверху было совсем тихо, Николай Петрович вставал на стул и стучал палкой в потолок. Ему немедленно отвечали, а затем потолок начинал гудеть, потрескивать и уютно посвистывать: там, наверху, брат и сестра Афанасьевы катались на коньках до тех пор, пока это им не надоело.

— Довольно, хватит, — говорил брат.

— Мало, покатаемся ещё, — отвечала сестра. — Он любит, когда мы долго катаемся. Он и нас любит. Его дочка говорила.

Совсем недавно Николай Петрович сказал музыканту:

— Что-то, дорогой друг, не слышно вашей флейты! Больны были? Ай-ай, как нехорошо, и мне ничего не сказали! Что же было у вас, грипп? А я, знаете ли, работаю и

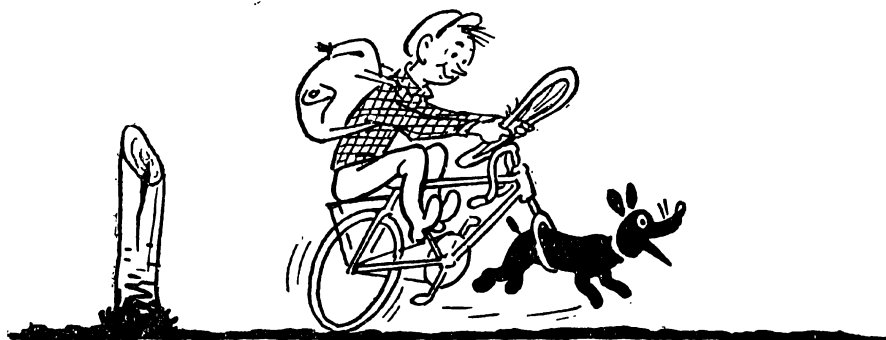
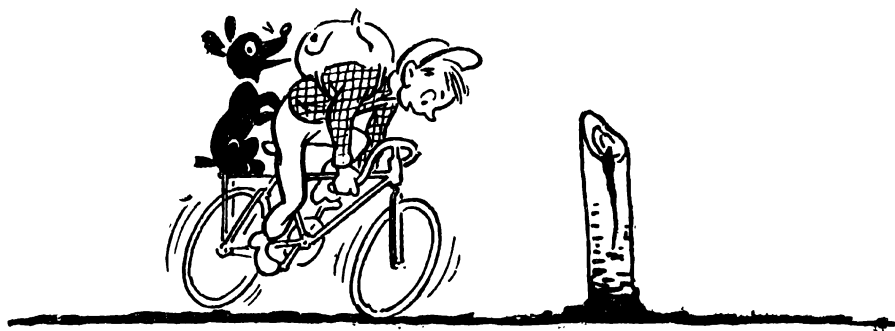

всё жду, когда же, наконец, услышу вашу флейточку! Уж вы, пожалуйста, играйте! Прошу вас! А то такая тишина, точно в склепе! Совсем невозможно работать!

Любишь кататься, люби и... хозяина возить

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

Осторожный

БАСНЯ

К Петру Строчиллову, отрядному поэту,
Примчался по делам Вэробышкин Андрей:

— Дружище, выручай скорей,

Мы выпускаем стенгазету!

Ты написать бы нам не смог

Стихи, хоть десять—двадцать строк?

— Поэзия — моя стихия, —

Сказал поэт. — Вмиг сочиню стихи я.

Ты только намекни — о чём или о ком...

— О той, что мелет языком!

— О Люсе? Нет! Начнутся вздохи, слёзы...

Дай лучше напишу про ёлки и берёзы!

— Берёзы не нужны. Пиши про Ваську!

— Нет!

Хоть он и лоботряс, но всё же мой сосед!

Есть у меня отличный стих про лето...

— Про лето в свой черёд. Сейчас о том,
что Света

Сорвала нам отрядный сбор.

— Ах, стоит ли вступать со Светой в спор?

Быть может, написать про сбор макулатуры

Или о пользе физкультуры?

— Сто 'раз писал!

— Ну, что ж, тогда молчу!

Друзей критиковать я, право, не хочу!

* * *

Тут лопнуло терпенье у Андрея.

— Какой же ты поэт?! — вскричал он,
багровея. —

На обещанья мастер ты,

А чуть до дела — прячешься в кусты!

Н. САДОВЫЙ

Рис. К. Бекташева

П Р А В И Л А

Р А С С К А З

КОГДА Вова впервые услышал выражение «у каждого человека есть недостатки», он стал приглядываться к людям и убедился, что это истинная правда.

У мамы Вова насчитывал 14 недостатков, у папы — 10. У старшей сестры их было так много, что он перестал считать, а у деда только 2: первый — храп; дед храпел так, что каждый раз, когда Вова просыпался от этих звуков, ему в первый момент казалось, что это в комнату на минутку заскочил лев; а второй недостаток — дед абсолютно верил только печатному слову. Все дома знали, что если деду сказать: «не полезно читать на солнце», он даже не обратит внимания, а если мама добавит: «я где-то читала, что на солнце читать вредно», — он немедленно пересядет в тень.

Вот этим летом, на даче, в первый жаркий день дедушка с внуком пошли на речку. Вовка так хотел скорее окунуться, что всё торопил деда идти быстрее, а дед шёл не торопясь, на ходу просматривая какой-то старый журнал. Вдруг он остановился как вкопанный.

— Вот так штука! А ведь мы градусник не взяли.

— Зачем градусник? — удивился внук.

— Видишь? — сказал дед, показывая последнюю страницу журнала «Советы купающимся».

«Начинайте купаться при температуре воды 17—19 градусов». — Мать в городе, я за тебя отвечаю. Беги на станцию, там в аптеке есть градусники. На тебе 10 рублей. Беги!

Вовка помчался на станцию и уже с градусником нагнал деда почти у речки. Температура воды оказалась как по заказу: 17 градусов.

Не успел Вовка разбежаться в воду, как дед прочёл ему, что, согласно параграфу «б», он обязан перед купаньем отдохнуть. Но, в конце концов, речка была рядом, и никуда не денется. Вовка покорно сел рядом с дедом и стал есть свой бутерброд. Дед, подняв на внука глаза, когда тот доедал булку, назидательно прочёл, что «после еды не следует купаться раньше, чем через час».

— Дедушка, — взмолился внук, — прочти сразу всё. Может, мне сегодня не купаться, тогда пойдём домой!

— Нет, — утешил дедушка, — дальше всё для тебя хорошо. Вот слушай: «Нельзя купаться в нетрезвом виде», — ты трезвый абсолютно; и последнее: «Не прыгай в воду в незнакомых местах». А тут и прыгать неоткуда, так что через пять минут будешь купаться, а я пока читаю «Правила во время купания». Вовка с ненавистью посмотрел на журнал.

—...«входить в воду, — читал

дед, — осторожно, на неглубоком месте остановиться и окунуться с головой».

— Почему «на неглубоком»? — спросил внук.

— Потому что так написано. Дальше: «не доводите себя до озноба». Всё. Иди в воду, внучек, но медленно... и окупись.

Вовка никогда не окунался с головой, и ему совсем этого не хотелось, но дед настаивал и пришлось подчиниться. Вода забралась в уши и нос, он зафыркал и сразу замёрз. Ровно через 15 минут дед на основании 2-го параграфа приказал внуку вылезти из воды.

Сам дедушка, разогревшись на припёке, тоже соблазнился купаньем.

— Пойдём в сторону, внучек, я люблю в купанье простор.

Они нашли безлюдное, удобное для купанья место. Раздевшись, дед очень медленно за-

шагал к воде, а Вовка заметил время. Дедушка окунулся с головой и быстро поплыл к островку, где росли белые кувшинки. Сорвав несколько штук, он поплыл назад, но обратно плыл так медленно, что Вовка крикнул:

— Нажимай, дед, ты уже 15 минут в воде — это нечестно!

Но прошло ещё 5 минут, а дед почти не приближался. Вовка прыгал с часами по берегу, и дед, видя его нетерпение, крикнул:

— Я же назад плыву против течения, — оно тут довольно сильное, понимаешь?

Вовка взял журнал и, найдя подходящий пункт, прокричал, сложив ладони рупором: «Попав в сильное течение, не плыви против него». Дед молчал. Вовка прокричал то же самое громче.

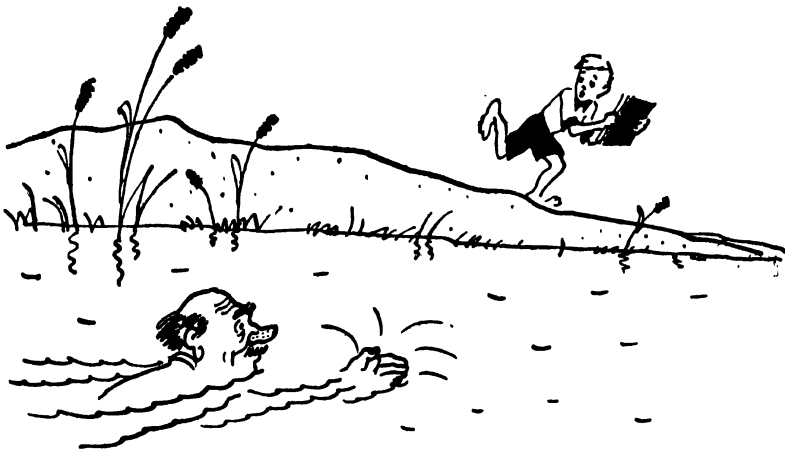
— А что же делать? — отозвался дед.

Вовка прочёл дальше: «Не плывите против течения, а используйте его, чтобы приблизиться к берегу!»

— Правильно! — крикнул дед и повернул в обратную сторону. — Возьми одежду, — крикнул он внуку, — и иди по берегу за мной! Я где-нибудь тут вылезу.

Вовка бежал с одеждой, дед плыл быстрее, но берег был такой, что вылезти было невозможно. Вовка на ходу прокричал деду следующий параграф: «Если попадешь в водоворот, — не пугайся, а набери побольше воздуха...»

— Ну, и что дальше? — отозвался дед.

— «...и погрузись в воду...»

— Ты уморишь меня раньше, чем я попаду в водоворот. Не смеши, я и так устал.

Берег становился всё хуже, и дед устал, но, по счастью, появилась лодка с молодым человеком, который помог дедушке выбраться на сушу. Дня два дедушка чувствовал себя очень

плохо, а у Вовки стреляло в ухе.

Когда в следующий раз они пришли на речку, внук увидел, что дед не запасся ни градусником, ни «Правилами для купающихся» и не обратил внимания на то, что Вовка шёл в воду не медленно, а бегом и даже вприпрыжку. Купаться было веселее, и вообще Вовка отметил, что у деда остался только один недостаток.

Пионерская

Музыка Бориса Кравченко

Слова Германа Голпе

1. Солнце дарит золотишки
Утренней росе,
А навстречу нам тропинки
Выбегают все.
Выбирай любую смело,
Посмотри вокруг, —
Сколько дела для умелых,
Наших ловких рук!

ПРИПЕВ:

И в труде и в игре
Нас усталость не берёт.
И в леса и в поля
С нами песенка идёт:
В нашей Родине чудесной
Пионеры, всем известно,
Замечательный народ.

2. От восхода до заката
Дел не перечасть.

Мы хранить умеем свято
Пионера честь.
Мы работать не в перчатках
На поле идём.
Чисто выполем мы грядки,
Сено уберём.

ПРИПЕВ.

3. Ждут поляны футболистов,
Лес юннатов ждёт,
Речка гладью серебристой
Рыбаков зовёт.
Просят клёны разрешение
Адрес поменять,
Чтоб зелёное равнение
Вдоль дорог держать.

ПРИПЕВ.

(Ноты на 29-й странице)

Пионерская

Музыка Бориса Кравченко

Слова Германа Гоппе

Подвижно

1. Солн-це да-рит зо-ло-тин-ки ут-ренней ро-се, 2. навстречу нам тропинки

вы-бе-га-ют все. Эх! Вы-би-рай лю-бу-ю сме-ло, посмотри вокруг!

Припев:

сколь-ко де-ла для уме-лых на-ши ловких рук. И в тру-де, и в иг-ре нас у-

ста-лость не бе-рёт, и в ле-са и в поля с на-ми пе-сенка и-дёт: в на-шей

Родине чудесной пио-не-ры, всем за-ме-ча-тель-ный на-род!
известно,

Fine

ГРАЧИНЫЙ ГОРОДОК

Приезжайте к нам в деревню,
Что на горке, у реки...
Вдоль деревни ряд деревьев —
И стройны и высоки.
Тополя... Их очень много.
И ракиты у порога,
Встав зелёною стеной,
Не пускают в избы зной...

Приезжайте, только к сроку,
Покажу я вам сороку —
Поселилась у пруда,
В чёрном фартуке всегда...
Покажу ещё кукушку,
Что кукует у опушки.
Там и дятел на сосне —
Он привык уже ко мне...
Покажу я птиц не в клетке —
У окна, на гибкой ветке...
Рано встанешь, — соловья
Показать сумею я!

А над домом,
Выше крыши,

Выше вишен,
Яблонь выше,
Там, где веет холодок,
Есть

грачиный
городок!

На ветвях большого вяза
Этот шумный городок.
Чем он к дереву привязан?
Ветер сдуть его не смог.
Там и шум и кутерьма,
Там — грачиные дома!

Рисунки М. Беломлинского

Солнце греет их лучами,
Светит месяц им ночами,
Тишина среди ночей
Охраняет сон грачей...

Зазвенели звонче листья,
Ярче неба синева,
Выше выросла трава...
В это время выше крыши
Крик грачат горластых
слышен.

Все буянят,
Все кричат,
Не унять
грачам

грачат.
Червяков им днями носят,
А грачата просят, просят...
Острым клювом щёлк да
щёлк —
«Принесите нам ещё!..»

Чист и свеж весенний воздух,
Ночью звёзды смотрят

в гнёзда...
Пап и мам хвосты торчат —
Папы, мамы ждут грачат!
В каждом домике грачином —
Перья, клочья от овчины...
Много вылупится птиц
Из веснушчатых яиц!

День за днём проходят
быстро...

НЕОХОТА-НЕ ХОЧУ

С К А З К А

На язык дружка Федота
Села как-то Неохота.
Стало всё не по плечу
С Неохотой-не хочу.
Просят пол подмесь
Федота,

Отвечает:

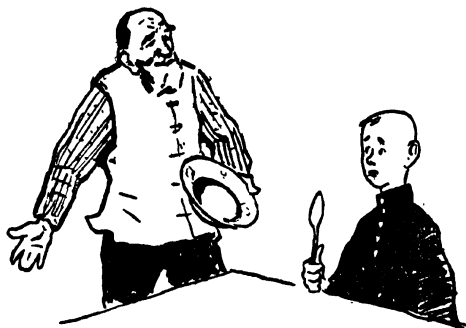
— Неохота!..

Деду Климу Кузьмичу
Говорит он:

— Не хочу!..
Не хочу идти
в аптеку,
Не пойду
в библиотеку,
Новых книг не
получу —
Неохота,
Не хочу!..

«Не хочу» и «неохота» —
Вся Федотова «работа».
Всё ему не по плечу
С Неохотой-не хочу...
Стал он мучиться зевотой,
Как сдружился с Неохотой.
Застегнуть пальто и то
Трудно кажется.

— Зато, —
Говорит он, —
Всю неделю
Не скучаю я о деле.
С Неохотой-не хочу
Еле ноги волочу...

Много всем теперь заботы:
Чем лечить
от Неохоты?
От неё лекарства нет.
Но его придумал дед.

Раз пришёл Федот из класса,
Шёл сто метров больше часа,
И с порога на постель
Бросил с двойками
портфель...

Вот Федот шагает к деду:
— Что варили мне к обеду?
Не спеша ответил дед:
— Не готовили обед!
Не идёт на ум работа —
Заразились
Неохотой.
Не поднять для дела рук,
Потерпи до завтра, внук!..

Дотерпел Федот до завтра,
 Не дают Федоту завтрак.
 — Подожди ещё, Федот,
 Час обеда подойдёт! —
 Так сказал отец Федота. —
 Всех свалила

Неохота.

Растопить, сынок, плиту
 Нам и то немоготу!..

Настаёт пора обеда.
 Вновь скрипучий голос деда:
 — Подтяни

живот,

Федот,

Скоро ужин подойдёт!
 Не работается что-то —

Одолела
 Неохота.
 Знаешь, сколько с нею мук!
 Дело валится из рук...
 И сегодня бабка наша
 Нам не варит щи и кашу
 (Тяжело вздыхает дед),
 Мать не жарила котлет,
 Не нальёт тебе компота —
 Все бодем Неохотой.
 Труд и нам не по плечу
 С Неохотой-не хочу...
 Не дойти до переулка,
 Нет в буфете хлеба с булкой.
 Крошки нет, чтоб бросить в
 рот.

Рисунки Ю. Шабанова

Подтяни

живот,

Федот!..

А живот одно Федоту:

— Есть охота!

— Есть охота!!!

Вот Федот уже не тот —

В магазин идёт Федот!

Возвратился мигом с луком...

Дед уж хвастается внуком:

— Весь в меня —

На ногу скор,
Не внучонок — метеор!
А Федот опять в ворота —
Вот и хлеб в руках Федота!..
С тёплой корочкой во рту
Растопил Федот плиту.
В кипятке кладёт сосиски,
Чистит вилки,
Моем миски.

И прошиб Федота пот.
— Отдохни, — кричат, —
Федот!
Но не бросил он работу...
Вот спасибо
Кузьмичу,
Что прогнал он
от Федота
Неохоту-не хочу!

В. Каширин

Ж и р а ф

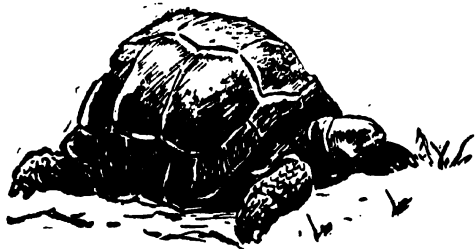
Ноги
Длинные,
Шея —
Тоже,
Выше
Крыши
Видеть
Может.
Головой
Достанет
Скоро
Шпиль
Старинного
Собора.

Рисунки И. Скоробогатова

Ч е р е п а х а

Вот бы мне
Костюм для лета
Вроде этого
Жилета!
В нём
Я был бы
Всех красивей,

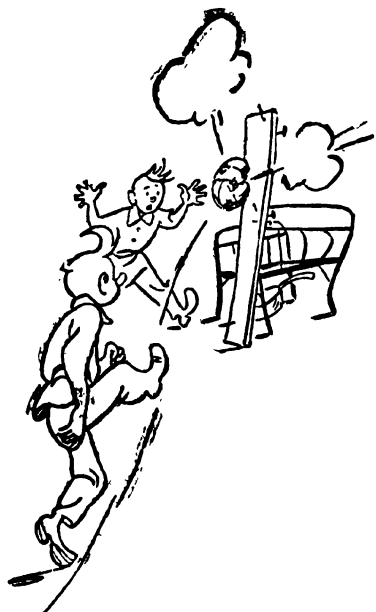

И ходил бы
По крапиве,
Не боялся б
Комаров,
Был бы
Крепок
И здоров!

Мяч в игре

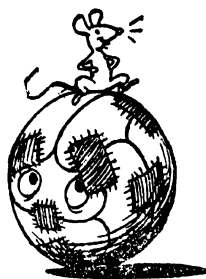
Был мячик неказист на вид:
Разорван был и вновь зашит.
На нём четырнадцать заплат
О прошлых битвах говорят.

Весь долгий зимний отпуск
свой
Лежал он в тёмной кладовой,
Один, вдали от детворы,
Как говорится: «вне игры».

Но вот опять пришла пора
Ему звенеть среди двора.
Увидел солнце старый мяч,
Помчался вдоль газона
вскачь,
Влетел в ворота, землю
взрыв,
Попал на гвоздь и...
Ахнул взрыв!

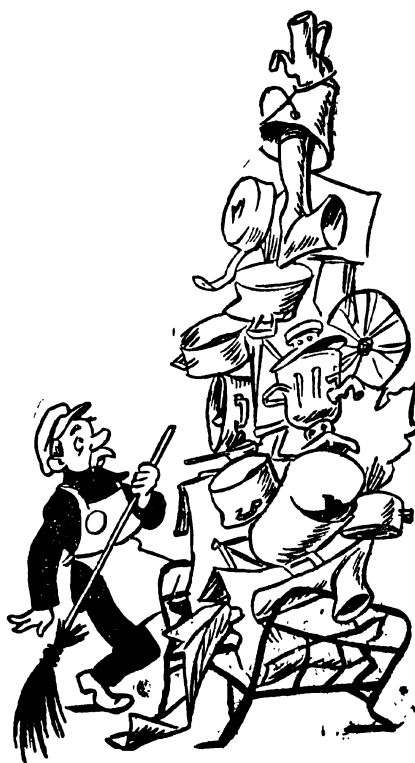
Вздыхнул Оплошкин:
— Как же быть?
Опять весь год на мяч
копить?..

А завтра с самого утра
У нас назначена игра...

Придёт играть соседний двор
И скажет: «Струсил
«Метеор»!

А чем играть?.. Мяча-то нет...
Но тут Аркадий дал совет:
— Мы двор от хлама уберём!
Металл сдадим в металлолом,
А банки-склянки и тряпье
У нас пойдут в утильсырьё.

И будет нам за этот труд
Футбольный мячик тут как
тут'

Выходит дворник из ворот,
Глядит на двор — не узнаёт.
Блестела лужа здесь вчера,
Сегодня выросла гора!
Стоит кровать,
На ней — карниз,
На нём лежит железный лист.
Ползут кастрюли по горе,
А сверху — чайник на ведре!..
Встревожен дворник дед
Егор:
— Что за напасть пришла
во двор?..

— Не дам! — рычит сердито
пёс. —

Не вам
Я лакомство принёс!
Он кость подальше уволок
И... закопал опять в песок.

Геолог признанный Семён —
Металл сквозь землю видит
он —
Нашёл трубу внутри двора
И тащит наверх — «на-горá».

Четыре Нины под метлу
Бумажный сор сгребли
в углу.
На клумбе Компас —
вот щенок! —
Разрыл когтями весь песок,
Перекопал и вкривь и вкось...
А что нашёл?.. Баранью
кость!
Сидят на дереве коты,
Следят за костью с высоты.

Воды в ней нет. А нам она
Свою тяжестью ценна.

Победе Перепуткин рад:
Придуман сборщик-автомат!
Смекалкой парень знаменит:
Сходил домой, принёс магнит,
Кладёт его среди двора...
И в тот же миг, как мошкара,
К магниту наперегонки
Летят железные крючки,
Примчалась банка из-под
шпрот,
Булавка в очередь встаёт,
За нею — гайка, гвоздь, замок
И ржавых пуговиц пяток...

Тут дворник ринулся вперёд,
Кричит:
— Отдай водопровод!
Гляди, наделаешь беды,
Оставишь корпус без воды!..
Семён стирает пот со лба:
— Да это ж старая труба...

Аркадий вновь магнит берёт,
Шагает гордо из ворот,
И прямо к складу за углом
Бежит за ним металлолом!
От счастья дворник сам
не свой.

Улыбку прячет постовой.
И даже грозный управхоз
На поле мячик сам принёс.

Бежит на поле детвора:
— Физкульт-привет!
— Физкульт-ура!
А от ворот и до ворот
Спешит места занять народ.

И кто-то лезет на забор,
Чтоб сверху лучше видеть
двор.

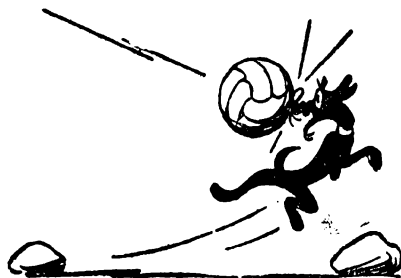
Вот управхоз даёт свисток —
Судья всегда к ребятам строг!
Сперва коротенькая речь:

— Окошки, хлопцы,
поберечь!
Не ставить ножки игрокам,
И воли не давать рукам!
Да... Есть ещё один вопрос:

— Зачем на поле этот пёс?
Вратарь?! Собака?! Нет,
друзья,
Четвероногих брать нельзя.
У игроков унылый вид:
— Ну что вам жалко? Пусть
стоит.
— Ну пусть... Но мой приказ
таков:
Не твякать зря на игроков!

Поставлен мяч среди двора.
Ещё свисток. Удар. Игра.

Теперь держись; соседний
двор, —
Идёт в атаку «Метеор»!

Оплошкин сильно с ходу
бьёт,
Но мяч пошёл поверх ворот.
Не угадал по воротам,
Зато попал по трём котам.
Пошёл вперёд соседний двор.
Короткий пас. Удар в забор.

И капитан с мячом один
Обвёл в момент четвёрку
Нин.

Удар!
Но прыгнул верный пёс...
...Ворота спас собачий нос.

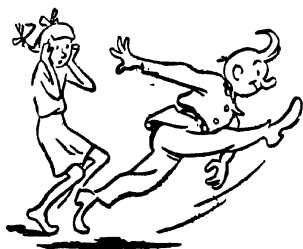
И дед Егор кричит:
— Не зря
Дрессировали вратаря!

Опять штурмует «Метеор».
— Рука! — вдруг крикнул
дед Егор.

Звонят дуэтом два свистка —
Судья фиксирует: рука!
И участковый тоже прав:
Свистит — за нарушение —
штраф!

И слышно, как гудит народ:
— Аркадий Перепуткин
бьёт!..

Уже затих последний спор.
Не дышит дворник дед Егор.
Аркадий переводит дух.
И только Компас ловит мух...

Удар точнейший! Счёт
открыт.
— Ура! — четвёрка Нин
кричит.

Сравнять противник хочет
счёт,
Он рвётся яростно вперёд.
А у команды «Метеор»
Удрал вратарь... Какой
позор!!!

Забыв игру и ворота,
Он ловит рыжего кота...
Но дед Егор команду спас:
Перехватил метёлкой пас.
В игре соседям не везло,
А тут и время истекло...

Теперь решён давнишний
спор —
Сильна команда «Метеор»!
— До новой встречи во
дворе! —

Подходит лето.
Мяч в игре.

Об одном ленинградском мальчике

О Ч Е Р К

ПРЕДСТАВЬТЕ себе заполненный любителями музыки белоколонный зал Ленинградской филармонии. Только что закончился антракт и...

— Начинаем второе отделение концерта немецкого органиста Роберта Кеблера. Во втором отделении будут исполнены импровизации на заданную тему, — объявила ведущая концерт. Развернув записку, она улыбнулась кому-то в публике и прочитала:

«Уважаемый профессор Кеблер, очень прошу, чтобы вы симпровизировали на мои две песни «Елка» и «Месяц». Мне 9 лет. Я очень люблю музыку и пытаюсь сам сочинять. Андрей Горлов».

Зал оживился, все стали оглядываться — искать автора записки. Впрочем, его нетрудно было обнаружить среди взрослой публики.

Наступила тишина, в которой величаво на густом органном звучании возникла широкая русская мелодия...

*За окном уже темно,
Солнце спит давным-давно,
Только месяцу не спится,
Видно, он упасть боится...*

Это и были первые минуты нашего знакомства с ленинградским мальчиком Андрюшей Горловым.

Рассказывая об Андрюше, нельзя не вспомнить о Лидии Фёдоровне Хомич, с которой тесно связана судьба мальчика. Она встретила с Андрюшей в музыкальной школе.

— Пришёл ко мне черноглазый семилетний мальчуган, — вспоминает Лидия Фёдоровна, — и решительным тоном заявил: «Я хочу учиться музыке».

И было в глазах мальчика что-то такое, что заставило внимательней и дольше, чем обычно, поговорить с ним, приглядеться к нему.

Педагог поверил в Андрюшу, и малыш ответил искренней детской привязанностью.

Каждый день, вернувшись из школы, сделав уроки по арифметике, русскому языку, в общем, закончив школьные дела, Андрюша садился за рояль.

В открытую форточку вместе с весенним ветром врываются возбуждённые голоса ребят, гоняющих мяч, соблазнительно пробегает по комнате солнечный зайчик, а Андрюше надо играть гаммы.

Фа-ми-ре-до...

И так часами, неделями, месяцами...

Однажды, отдыхая между уроками и перелистывая «Пионерскую правду», Андрей прочёл стихи:

*Мы видим город Петроград
в семнадцатом году.
Бежит матрос, бежит солдат,
стреляя на ходу.
Так в Октябре упала власть
буржуев и дворян,
Так в Октябре мечта сбылась
рабочих и крестьян...*

Эти слова вдруг для него зазвучали, обрели мелодию. Он еле сидел в этот день на последнем уроке, еле дождался, когда смог повторить эту мелодию на рояле; повторить несколько раз, чтобы она запомнилась, не ушла...

Когда мы познакомились с Андреем, в собрание его сочинений входило уже 9 различных песен.

— Как же ты сочиняешь музыку, — спросили мы маленького композитора, — как к тебе приходит вдохновение?

Андрей растерянно пожал плечами и ответил:

— А ко мне никто не приходит, я сам сочиняю. Сажусь и сочиняю. Найду слова и думаю... И вдруг услышу мелодию, ну и записываю.

— Вот так, сразу?

— Нет, не сразу, — улыбаясь говорит Андрей. — Иногда напишешь, не понравится, приходится переделывать, потом ещё и ещё, пока хорошо не будет.

По нашей просьбе Андрюша сел за рояль и с исполнительским блеском сыграл... Что бы вы думали? «Экспромт» Шуберта.

Слушая это произведение, требующее не только большой техники, но и тонкого понимания музыки, трудно было

поверить, что всего только два года назад эти маленькие руки впервые встретились с инструментом.

Какими загадочными и непонятными тогда были для Андрея чёрные и белые клавиши, а нотные знаки — таинственные точки и палочки, причудливо разбросанные на пяти узких линейках, — казались просто забавными воробышками, сидящими на телеграфных проводах.

Но это было два года назад. А теперь за роялем сидел музыкант — сосредоточенный, собранный, волевой. Звучали не просто выученные наизусть ноты. Андрюша играл вдохновенно, понимал каждую музыкальную мысль.

Вот маленький пианист оторвал взгляд от клавиатуры, мечтательно закинул голову. Он всей душой в музыке, в этом огромном, заманчивом, раскрывающемся перед ним мире звуков...

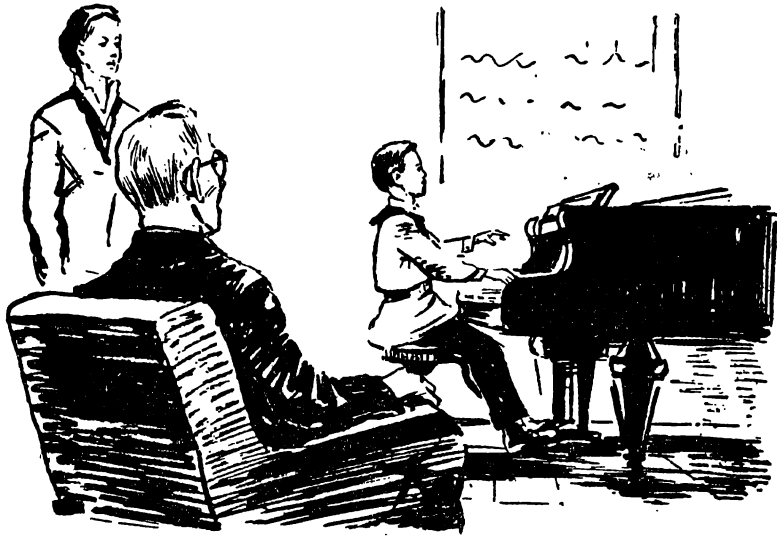
Вслед за Шубертом мы услышали Баха, Рахманинова, Шопена и в заключение Кабелевского...

Всё это происходило в одном из классов Ленинградской консерватории, и были мы не одни. Андрея внимательно слушал большой музыкант Яков Осипович Флиер.

Яков Осипович поначалу ходил по классу, заложив руки за спину, и дымил папироской. Но уже через несколько минут отложил папиросу, сел в кресло и с явным вниманием стал слушать. И чем дальше, тем добрее становился его взгляд. А когда мальчик кончил играть, известный пианист подошёл к нему и сказал:

— Ну-ка, Андрей, дай мне сесть... Никогда в этом месте не бери педаль. И вообще у Баха с педалью нужно быть осторожным....

И вот только что, казалось бы, неплохо сыгранная Андреем fuga Баха зазвучала строго, величаво.

Андрюша слушал, затаив дыхание. Вот что значит мастерство! Затем мальчик вышел из класса, а Яков Осипович Флиер улыбнулся нам и сказал: «Ну, насчёт композитора говорить ещё рано. Пусть сочиняет, а там видно будет. Но исполнительская жилка в нём безусловно есть. Я в этого мальчика верю...»

В ЭТО время мы готовили об Андрюше Горлове большую радиопередачу. Мы ведь тоже в Андрея очень поверили. Нам хотелось рассказать о нём многим ребятам, да и не только ребятам...

Его дальнейшая судьба сложилась так, как и должна была сложиться судьба любого одарённого ребёнка в нашей стране. Андрюша учится в музыкальной школе-десятилетке при Ленинградской консерватории, учится на круглые «отлично».

А недавно в его жизни произошло трогательное событие.

Дело было так. Вскоре после радиопередачи в редакции раздался телефонный звонок:

— Я только что слушала вашу передачу об одном ленинградском мальчишке, о музыканте, об Андрюше Горлове. Вы не скажете, как мне его найти?

— Зачем?

— Видите ли, — замялась женщина... — Как бы вам это сказать... Вы не знаете, у Андрюши есть собственный рояль?

Насколько нам было известно, у Андрюши инструмента не было. Так и ответили.

— Очень хорошо, — обрадовалась женщина.

И вот что она рассказала:

— Известная ленинградская певица и профессор Консерватории Зоя Лодий завещала свой любимый старинный рояль подарить музыкально одарённому ребёнку.

Услышав по радио рассказ об Андрюше Горлове, его игру, песни, им сочинённые, я и решила, что Андрюша и есть тот самый мальчик, которому следует отдать рояль.

Сами понимаете, радости Андрюши Горлова не было границ.

Старый рояль попал в хорошие, верные руки. Андрюша будет крепко с ним дружить. Мы в это верим!..

Краткое содержание предыдущих глав

В НЕБОЛЬШОМ югославском городке Бор жило несколько десятков русских семей, разными путями попавших в Югославию. Среди них был и Андрей Алексеевич Шереметьев. В прошлом он имел в Петербурге фабрику, был хозяином. В Боре он работал на медных рудниках французской компании. Вместе с Шереметьевым в Югославию приехали его сестра Вера Алексеевна с мужем и дочной Линой. Муж Веры Алексеевны умер, и она с дочной так и осталась в Боре. Жили они отдельно от брата, да и взгляды на жизнь у них были разные.

У Андрея Алексеевича жил негритянский мальчик Александр. Всю свою злость, всю ненависть эмигрант Шереметьев вымещал на негритёнке. Не проходило дня, чтобы Саша не испытал ударов кожаного хлыста, с которым не расставался хозяин. Саша выполнял всю чёрную работу в доме, только после этого он мог идти в школу. Поэтому вставать приходилось засветло и всё же в школу он часто опаздывал. За опоздания попадало от учительницы, которая не любила Сашу и считала «неполноценным». Были у Саши и друзья — его сверстники. Они вместе весело играли на пустыре, где была свалка. Только с одним мальчином не дружил Саша — это был Олег Хорев. Отец его, как и Сашин «дядька», удрал в гражданскую войну от Красной Армии и служил в Боре на руднике надсмотрщиком. Он в прошлом был назначим офицером и ненавидел, как он выражался, «Совдепию». Саше не раз попадало от этого белогвардейца. Олег часто бил Сашу. Во время одной драки его спасли Вера Алексеевна и Лина, которые случайно проходили мимо. Они пригласили Сашу и себе домой, показали ему семейный альбом. Саша увидел отца Лины и дом, в котором они жили в Петрограде.

6 апреля 1940 года немцы бомбили Белград. Вскоре в Боре появились немецкие патрули. Но в маленьком городке оккупантам было неспокойно. В горах были партизаны. Однажды раздался глухой взрыв, рухнули рудничные постройки, и рудник надолго перестал давать медь. Дядька ещё больше озверел. Теперь ему хотелось до смерти забить мальчика, т. е. он своей чёрной кожей бросал тень на него, белого, бывшего фабриканта. А теперь у него появилась снова надежда: с помощью нацистов вернуться в Россию и завладеть фабрикой.

Так больше Саша жить не мог, и он решил бежать.

Лёжа на нарах, Саша обдумывал своё положение. Он понимал: оставаться здесь больше нельзя — дядька заберёт до смерти. Нужно уходить. Но куда? Бобик Дроздовский звал жить к ним в сарай. Но

Продолжение. Начало в „Искорке“ № 4 за 1959 год.

он лучше пойдёт к Вере Алексеевне. Там Лина. Там ему всегда рады...

Он распахнул по карманам свои стеклянные пробки — биты, рыболовные крючки. И вдруг вспомнил — несколько дней назад у Веры Алексеевны в одной из комнат поселился немецкий офицер... Э, наплевать! — решил мальчуган. — Пойду

с чёрного хода. Вот только рассветёт, чтобы патрули не придрались. А то ещё пальнут.

Он забылся в тяжёлом сне.

Наступило утро. На уличном пестике, ещё влажном от росы, Сашины подошвы отпечатывались рядом с первыми следами, проложенными рабочими. Прижимаясь поближе к заборам, Саша торопливо шагал по улице. Вот и теннисный корт, аптека. Оглядевшись, мальчик юркнул в калитку, проскочил под окном кухни, где мог находиться денщик квартиранта, и присел на крыльце у чёрного хода.

Постучать? Спят ещё, наверное. Подождать уж лучше, когда Лина в школу пойдёт. А если у дядьки узнают, что он исчез? Или здесь увидит кто с улицы?

Он огляделся, ища укрытия. Вдруг позади скрипнула дверь, и два светящихся глаза впились в него, раскачиваясь вверх и вниз. «Вампир!» — мелькнуло в голове мальчика. «Вампир» мяукнул и потёрся о ноги помертвевшего от страха мальчугана.

— Мурчик! — облегчённо выдохнул Саша и притянул кота к себе. Он обождал немного, прислушиваясь: шагов не было слышно. Тогда он приоткрыл дверь. На носках через переднюю вошёл в столовую. Никого. Что бы это могло значить? Пойти в спальню? А, ничего не будет, только одним глазом заглянуть. Если спят, он подождёт. Всё так же, на цыпочках, пробрался к распахнутой двери спальни. И замер. Постель была смята. Одеяло сползло с кровати. Один конец его был зажат в кулаке лежавшего на полу человека в форме немецкого солдата. «Бежать отсюда!» — Саша уж было метнулся назад и остановился. «А Лина? Что с ней? Где тётя Вера?»

Саша обошёл кровать, с опаской заглянул под неё. Никого нет. Он даже присел на пол: где же их искать?

В это мгновение до него донёсся шум из передней. Осторожные шаги... Кто-то входит. Вот что-то подвинули, и снова всё затихло.

Саша подполз ближе к дверям и

выглянул осторожно из-за кровати. И тотчас юркнул назад. Там, у сундучка, возился, пытаясь открыть его, «дядя» Шереметьев.

Вот уж с кем Саша не хотел встречаться!.. Но что тому нужно в сундучке? И откуда взялись у него ключи? Не отнял ли он их у тёти Веры? Вот гад, а!

Саша снова стал следить за Шереметьевым. Тот отмыкал замок вторым ключом. Вот он приподнял крышку, и по комнате разнёсся трезвон. Андрей Алексеевич, судорожно роясь, вытянул альбом. Поспешно перелистал его, нашёл фотографию дома с непонятными линиями на фасаде и крестиком у окна. Хотел было вынуть эту фотокарточку, но в это время человек, лежавший в спальне, заскрипел зубами и пьяным голосом проговорил по-немецки:

— Ты что, а? Ты что делаешь?

Немец с шумом повернулся на другой бок, привстал на руки и снова повалился. Шереметьев выронил альбом, метнулся за дверь. В ту же секунду Саша стремглав промчался через комнату, схватил альбом и выпрыгнул из открытого окна в палисадник. Ящик с цветами, задетый его ногой, полетел вслед и ударил по щиколотке. Волоча ногу, Саша выбрался на улицу, прижимая к себе альбом, побежал к дому, где жил Бобик Дроздовский.

Коричневый, с клокчистой бородой на длинной морде, пёс Дроздовских залаял, но тотчас завертелся у Сашиных ног, юля всем туловищем, словно прося извинения, и побежал впереди Саши к сараю. По приставной лестнице они забрались наверх. Свет, проникавший через паз и щели в крыше, ложился дорожками на ворох сена, на рухлядь, служившую Саше постелью. Раскрыв альбом, Саша стал внимательно перелистывать страницы. Ага! Вот она! Мальчик бережно вынул открытку из плотного-плотного картона с изображением дома, где жила в Петербурге Линина мама. Примерил, где лучше спрятать — под рубашкой или за поясом в штанах. Нет, вывалится. Лучше всего обернуть от-

крытку тряпочкой и положить её пока под стелькой ботинка. Он так и сделал.

А как бить с остальными открытками? Они разные, интересные. Можно будет пробки выменять на них у толстогубого — он всё любит выменивать...

Внизу чавкала свою жвачку то-

щая большая корова. Тёплый воздух, неся запах перегноя и стойла, поднимался сквозь редко уложенные доски настила.

Или подарить Бобику? — глаза у Саши сужались. Не в силах удержаться, он смежил веки и тотчас уснул. Пёс потыкался мордой вокруг и, фыркнув, встал у окна.

III

В КАФАНЕ ЕСТЬ ДРУГ. ◆ СОБЛАЗНИТЕЛЬНЫЙ ФОНАРИК. ◆ ОПЯТЬ В ДОМЕ ШЕРЕМЕТЬЕВЫХ.

◆ ЗНАКОМСТВО С ТРЕМЯ ВОРАМИ.

Из кафаны (так называли в Боре маленькие ресторанчики) доносилась на улицу песня на незнакомом языке. Саша приоткрыл дверь и проскользнул во внутрь. Обвёл глазами посетителей и нашёл того, кого искал: толстый, добродушный повар Пэрб в белоснежном колпаке — не то серб, не то болгарин — тоже слушал песню, облокотясь на стойку. Саша пробрался к нему. Тот ласково потрепал голову мальчугана. Вот уже недели две, как Саша убежал от Шереметьевых и живёт в сарае у Дроздовских. И всё это время повар Пэрб подкармливает его. Дроздовские сами голодают, и Саше совестно попросить у них картофелину, когда он видит, что Бобик и его младший братишка молча смотрят на неё в ожидании.

Тоскливо звучат струны гитары, перебираемые сильными, огрубелыми пальцами. Глаза поющего чуть влажны и широко раскрыты, словно где-то рядом его родной дом. Забыл он, что находится в старом бараке, приспособленном под «ресторан», и вокруг не роши, а столики с недопитыми стаканами вина. А люди, которые слушают его, такие же, как он, рабочие борских рудников и завода. Без слов, тихо подпевают они итальянцу. Нужда оторвала их от семей, от любимых, погнала из отчего края и привела в этот городок. Много лет копились квитанции на отправленные семье деньги, а в сердце росла грусть по родному краю. А теперь, бог знает, когда придётся

повидать семьи! Ладно ещё, что немцы не загнали их за колючую проволоку, а так они те же пленники: из Бора новые хозяева никуда их не выпускают.

— Эй! По домам! Комендантский час...

И хозяин, равнодушно сидевший всё это время за стойкой, стал гасить свет. Посетители потянулись на улицу. Мимо повара прошёл серб с обожжённой щекой. Прощаясь, бросил:

— У третьей колонки.

— Да.

В тот вечер повар дал Саше с собой хлеба больше, чем обычно.

Назавтра, когда Саша, приоткрыв дверь кабачка, направился мимо стойки на кухню, его окликнул хозяин:

— Ты куда?

— Здравствуйте... Я к месью Пэрб.

— Нету там твоего месья. И больше не шляйся сюда!

Он бормотал, наливая вино из бочонка в графины:

— Месьё! Удрал к партизанам месью Пэрб. А меня таскают, как будто убежал я... Ну, пошёл, чтоб ты пропал!..

На улице Саша присел у стены на корточках. Где бы раздобыть поесть?

Мальчик равнодушно следил за старьёвщиком, толкавшим свою тележку, пока тот не свернул за угол. Куда это он покатил? На базар, наверное... Базар. Может, там удастся поесть?

Кривыми улочками, мимо шатких деревянных заборов с наклеенными на них афишами и приказами немецкого коменданта Саша добрался до базарной площади.

— Свежие початки!

— Кому полуночные штиблеты за полцены?!

Играла шарманка. Обезьянка вытаскивала конвертики с предсказанием счастья. Шумел базар. Многие люди, прицениваясь и торгуясь, проходили мимо лотков, ничего не покупая. С тех пор как в Бор пришли немцы, продукты почти исчезли. Саша это чувствовал на себе. То, что ещё оставалось, стоило втридорога. И люди несли старые вещи на базар, продавали всё, лишь бы получить деньги на фунт кукурузного хлеба. Ведь пшеничный пекли только в солдатских пекарнях.

Потолкавшись на базаре, Саша выбрался из толпы и побрёл в город. Было жарко. Пыль оседала во рту, пересохла и потрескались губы. Желудок то и дело сводило и тянуло, как щипцами...

Он шёл по улице, где жила когда-то Лина, заглядывая в окна, из которых доносились запахи приготовляемой еды... У одного из домов Саша замер. Прямо на краю подоконника лежал ручной фонарик. Привстав на носки, мальчик заглянул в комнату: никого. Взять? Никто ведь не видит. Ух, до чего есть хочется! Сколько бы за такой фонарик ему денег дали?.. Интересно, а батарейка в нём есть? А если разыщут и посадят в тюрьму?

Саша думал об этом, рассматривая фонарик. Где-то в доме хлопнула дверь. Мальчуган сорвался с места и побежал.

Внезапно ему показалось, что во рту у него горячий, вязкий кусок пшеничного хлеба — такой аппетитный запах вырвался из двери пекарни. На пороге её стоял пекарь. Жадно затягиваясь, он курил окурок сигареты.

— Дяденька, а дяденька, дайте хлеба. Я для вас что хотите сделаю.

— Хлеба? Принеси сигарет — дам.

Сигареты? Где ж их взять? Саша потёр лоб. Стоп! Он знает где!

— Ладно. Принесу.

Выбравшись на Нишскую улицу, Саша перескочил через канаву, просунулся в яму под забором и очутился во дворе у Шереметьевых. Потянул тихонько дверь к себе — заперто. И сразу отлегло на сердце. Он даже не успел придумать, что сказать, если бы нарвался на хозяев. Подумаешь, он бы всё равно убежал.

Но как же попасть в дом? Саша обвёл взглядом стену и остановился на маленьком оконце без стекла: уборная. Подпрыгнув, он уцепился за край рамы и, упираясь ногами в щели досок, нырнул в окно. Повис на руках, нащупал стульчак и, осторожно спрыгнув с него, вошёл в коридор.

Чмокающие звуки, доносившиеся из столовой, заставили его подкрасться и тихонько приоткрыть дверь. Там, на коленях у разомлевшего и мокрого от пота немолодого немецкого чиновника сидела Лёлька — эта чистюля, недотрога Лёлька. Она чмокала немца в губы, приговаривая: «Ах, ты мой кабанчик! Ах, ты мой кабанчик!»

Саша не мог сдержаться и фыркнул.

Что тут началось! Лёлька завизжала. Офицер вскочил и бросился к двери. Еле-еле Саша успел выскочить во двор.

И ноги снова привели его к окну, где всё ещё лежал фонарик. Малыш осторожно огляделся. Женщина с кошёлкой показалась вдалеке. Девочка с кувшином на голове вошла к себе во двор.

Саша протянул руку, не глядя на-

щупал фонарик, сжал его пальцами. Потом медленно потянул к себе и, всё так же не глядя, сунул за пазуху, где сердце стучало так, что, казалось, все вокруг должны были слышать.

Потом всё так же медленно, с трудом передвигая ноги, двинулся прочь. Свернул в ближайший переулок и пустился бежать, прижимая под рубахой фонарик. Он спотыкался и чуть не падал.

На базаре в одной из лавчонок, где можно было купить гайки, пиджаки и морс, Саша сбыл фонарик. Он тут же выпил две кружки морсу. У лотка с пирожками недолго раздумывал и отошёл, остервенело кусая пирожок. Второй пирожок сунул за пазуху. У него ещё оставались деньги, и все их он выложил какой-то тётке: её корзина была наполнена варёным постным сахаром. Несколько кусков он всё же донёс до сарая Дроздовских и здесь великодушно протянул половину Бобику.

— На, ещё...

— Где взял?

— Так, в одном месте...

Несколько дней спустя Саша и Драган сидели у колонки. Съев ломоть кукурузной лепёхи, принесённой Драганом, Саша раздумывал, где бы ещё достать поесть. Около них появились три парня. Они были одеты в яркие пиджаки, с платками, завязанными небрежным узлом на шее. Один из них с низким лбом и маленькими бегающими глазами подозвал Сашу:

— Эй, поди-ка сюда!

Саша нехотя подошёл.

— Ну, чего?

Этих парней знали многие на окраине городка. Они были ворами, несколько раз уже сидели в тюрьме. Саша не собирался портить с ними отношений. Но он не боялся их и потому, сунув руки в рваные карманы штанов, повторил:

— Ну, чего?

— Да вот насчёт фонарика хотели поинтересоваться, — ухмыльнулся низколобый...

Саша почувствовал себя так, будто его схватили за горло.

— Не знаю ничего, — забормотал он, отодвигаясь.

И в эту минуту вспомнил, что мизколюбый сидел в лавчонке, где Саша продал фонарик.

...Поздно вечером, когда на базарной площади не было уже ни души и только ветер шуршал, гоняя по земле обрывки бумаги, у одного из киосков возникли силуэты мальчишки и трёх взрослых. Двое из них встали по бокам киоска. Третий, согнувшись, возился у железной ставни. Плавно и почти бесшумно приоткрыв её, он втолкнул мальчишка во внутрь.

Испуганный старческий крик «Караул! Режут!» слился с горестным воплем полузадушенного ребёнка. Тотчас же те, которые оставались снаружи, исчезли в темноте. Над площадью пронзительно заверещали свистки сторожей. Через несколько минут из киоска извлекли его владельца, он мертвой хваткой вцепился в горло полузадушенного негрита. .

Избитого, обессиленного Сашу полицейский потащил из камеры и, пнув коленом в спину, вытолкнул в дежурку, где ждал его «дядя».

— Распишитесь, — дежурный подал дяде какой-то лист. — Предупреждаю: ещё раз попадётся, и вам придётся строго ответить, господин Шереметьев. Таких, как этот, надо вот чем учить, — и он сжал жилистый волосатый кулак.

...Вновь Саша лежал на скамье в ванной. Боли он уже не чувствовал. Когда немного отошёл, побрёл на

кухню. Вскоре появилась, гремя посудой, «тётя», а за ней Лёля.

— Нет, мама, где же справедливость — я должна отказывать себе в сахаре, а он отправляет ей деньги.

— Ну, Вера сестра ему всё же. Конечно, ей пора бы и самой подумывать.

— Думать! Будет она ещё думать о себе! Сидит в Белграде, ходит по кино. А Земун, где они живут, это же курорт...

В ту ночь Саша исчез из Бора.

IV

НА ПАРОВОЗЕ. ◆ ЧАСОВЫЕ НЕ ПРОПУСКАЮТ ЧЕРЕЗ МОСТ. ◆ И В ТЮРЬМЕ ЕСТЬ ДРУЗЬЯ. ◆ НОВОЕ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО. ◆ КУДА ИДЕТ ЭШЕЛОН?

Т ЕМНАЯ фигурка на тендере локомотива прижалась к твёрдым и острым кускам угля. Дорога шла в гору, паровоз рвался вперёд. И всё стремительней набегал ритмичный перестук колёс. Из будки доносилось:

— Лезь-ка, подкинь угля. Видишь, на подъём идём!

Кочегар, схватив лопату, осторожно вылез на тендер. Его бросало из стороны в сторону, он стоял, расставив ноги. Но вот ступня упёрлась во что-то необычно упругое. Кочегар стремительно нагнулся:

— Эгей, братец! Ты что здесь делаешь?

Схваченный за шиворот, Саша со-

противлялся и вцепился в куски угля. Но сильные руки приподняли его и пихнули в будку к машинисту. Кочегар спрыгнул следом и, посмотрев на «зайца», расхохотался:

— Во вымазался!

Машинист пристально оглядел мальчика.

— Дурень, он же вообще чёрный! А ну, говори, что ты делал на тендере? — жёстко спросил машинист.

Саша утёр нос рукавом. Его всего трясло. На осеннем ночном ветру он предрог, и сейчас ему никак было не унять дрожь. Он молчал. Да и что говорить! Всё равно будут бить. Или полиция отдадут. Плохо.

Он повёл глазами. В будке едва-едва можно было повернуться.

Бежать было некуда. Саша опустился на корточки.

— Дай парню поесть, — сказал машинист и обратился к Саше: — Куда едешь?

— Мне в Земун надо, — глухо сказал Саша сквозь набитый картофелем рот.

— Почему именно туда?

— Тётка у меня там.

— А где?

— Не знаю.

— Совсем худо... Эй, Пётр, подкинь-ка напоследок! — Машинист потянул на себя ручку сигнала. Оглушительный рёв запечатал Саше уши. Мотая головой, чтобы избавиться от грохота, он высунулся в боковое оконце. Навстречу неслись рельсы, водонапорные башни, будки, закопчённые низкие здания.

Поезд, замедляя ход, подкатил по станционным путям к товарной платформе.

— Так ты вот что, милорд, не попадёшь к тётке, — приходи ко мне во дворец. Задарская улица, дом 3. — И кочегар протянул Саше руку: — Есть? Ну, желаю удачи!

КРУГОМ были слишком высокие дома. Саша долго разглядывал подкативший со звоном трамвай. Но уже через полчаса освоился и стал спрашивать у прохожих дорогу. Одни не откликались, другие объясняли подробно. Поворачивая из улицы в улицу, мальчик, наконец, увидел по-

луразрушенный мост, зенитные орудия. Часовые с автоматами наперевес отгоняли тех, у кого не было нужного документа. На том берегу Дуная вились улицы Земунa — пригорода Белграда. Где-то там жила Лина...

Саша присел на край тротуара. Что делать? Если бы здесь было больше народу, он юркнул бы в толпу и прошёл. А так он весь на виду. А что, если всё же попробовать? Он встал и подошёл к часовому.

Остановил окрик:

— Хальт! Пропуск!

Саша стал объяснять, что приехал в гости к тётке, но высокий, широкоплечий часовой внезапно поставил на него автомат.

— Марш!

Саша пошёл вдоль берега. Умел бы плавать, переплыл бы эту реку. Но в Боре не было даже порядочной речки — как он мог научиться?.. Эх, обидно!..

Малыш вновь повернул к мосту. Там, за рекой, были Лина, её мама. До чего же хочется повидать их! Но часовые по-прежнему стояли на том же месте.

В наступивших сумерках стремительно пустели улицы. Надо было искать пристанища. Вспомнился весёлый кочегар... Задарская улица, дом 3...

Внезапно ухо его уловило глухой шум толпы, женские надрывные голоса, словно молившие о чём-то. Саша прислушался — похоже, русские слова!.. Его неудержимо потянуло посмотреть. Вдали виднелась привокзальная площадь. По ней, то и дело останавливаясь, двигалась большая колонна женщин с детьми. Вокруг шли солдаты с автоматами.

— Шнеллер!.. Шнеллер!

Редкие прохожие прижимались к стенам домов. Кто-то почти шёпотом спросил:

— Куда их ведут?

— Известно куда — «работать на великую Германию».

И отвечавший пробормотал ещё что-то невнятное.

В эту минуту до Саши донёсся плачущий голос Лины:

— Пустите меня... Я пойду с мамой, пустите!

И вторивший ей голос матери:

— Оставьте девочку, она не мешает мне... Я понесу её... Оставьте...

Не раздумывая, мальчишка бросился в толпу. Он не знал, что сделает в следующую минуту, но он должен был в это мгновение быть рядом с Линой.

— Ты что тут вертишься, а? — сербский полицейский вцепился Саше в плечо. — Не знаешь, болван, что после семи вечера передвижение разрешается только по пропускам?

— Пустите!

— Ты что это? Ты вырваться? — и полицейский крутанул Сашину руку за спину. — Пошёл вперёд!

Саша вертел руку, стремясь вытя-

нуть её. Но от этого становилось ещё больнее. А мысль — «Упустил, теперь вовсе упустил Лину!» — неотступно билась в голове.

Сашу доставили в участок.

В КОМНАТЕ за большим столом, на котором, кроме двух телефонных аппаратов, ничего не было, сидел полицейский. На скамье развалилось ещё двое.

Дежурный сделал пометку в книге, приговаривая: «искал знакомого кочегара...» Ладно, проверим. Адрес твоего Петра знаешь?

Саша открыл было рот. Затем потёр руку, по которой только что били хлыстом, и угрюмо процедил:

— Не помню.

Дежурный офицер криво усмехнулся. Его уоики-змейки зашевелились:

— Регистрируйте в список бродяг для отправки в городскую комендатуру.

— Ну-ка, господин Шереметьев, лезь под тот стол, и чтоб я тебя и не слышал!

Делать было нечего. Подложив под щёку локоть и втянув голову в плечи, Саша улёгся на захарканный пол у сапог дежурного жандарма. Они воняли дёгтем и прельми портянками, не давая уснуть.

«Если бы выбраться отсюда, — сразу нашёл бы Петра, — подумал малыш. — Задарская улица, дом 3. А скажи этот адрес, — они отлупят дядю Петра. Известно, полиция!».

Рано утром Сашу вытолкали во двор участка. Тесный дворик был окружён высокими стенами. Саша закинул голову далеко назад и только тогда увидел их верхний край.

Хмурое осеннее небо глядело в этот квадрат, отгородивший от мальчишки весь мир. Один, совсем один, никому ненужный! Что было ждать ему от тех за окном, для кого он был на «правах» бродячей собаки!.. И словно грустные приветы извне, медленно кружась, ложились у его ног жёлтые мёртвые листики. Малыш вновь поднял голову. В том углу, где стоял мусорный ящик, над стеной протянулась большая ветка с

отростками. Они уже почти совсем оголились.

Эх, если бы дотянуться, он вгрызся бы в эту ветку зубами и выполз. Мальчик вскочил на ящик, закинул голову. Ох, далеко ещё! Как звёрёк, попавший в беду, он закружил по двору, ища лазейку. И неожиданно замер: в открытой двери уборной увидел маленькое окно без решётки.

Саша рывком повернул голову назад. Никого. Взявшись за штанишки, будто расстёгивая их, вбежал в уборную.

— Стой! Куда, поганец! — из окна, грозя кулаком, высунулся полицейский.

— Дяденька, у меня живот очень болит.

— Не смей закрывать двери!

Когда Саша вышел, тот же полицейский появился во дворе и замкнул дверь на замок.

«Окно понравилось? Ничего, тебе скоро не до него будет!»

И почти тотчас полицейские вытолкнули во двор высокого и худого мужчину.

Он опустился у стенки на землю и пальцем показал Саше на место рядом с собой.

— Курево есть?

— Нет...

— Ну, и у меня отобрали. А ты за что здесь? — скосил он взгляд на мальчика.

— За комендантский час.

— Это для полиции. А мне надо правду говорить.

— А я и говорю правду, — насутился Саша.

Лучи скупого осеннего солнца скользнули из-за стены и светлым пятном легли на пыльную, грязную землю.

— Родные твои где? — мужчина чуть зажмурил глаза, подставляя лицо солнцу.

— Я безродный.

И Саша рассказал о себе.

Незнакомец внимательно слушал и вообще было в нём такое, что заставляло скупого на слова мальчика открыться.

— Ну и фунт изюму! — проворчал арестованный. — Безродный!..

И вдруг злым голосом сказал:

— Безродных не бывает. Тебя могут выгнать за границу, запереть в тюрьму, но родину у тебя никто не отнимет. Понял? Родина с нами всегда, вот здесь, — он ударил себя в грудь. — Спишь в кубрике, в открытом море, а снится тебе дом родной, скамейки у ворот, где мать ждала тебя из школы... Вот так... Они её загадили, нашу родину, а мы её любим.

Он медленно поднялся. Подошёл к стене дома, сбоку заглянул в окно. Затем тотчас возвратился, влез на ящик с песком, вытянул руку вверх — до гребня стены он не дотягиваясь на полметра.

— А ну, иди сюда! — позвал он Сашу. Присел и скомандовал:

— Становись на плечи!

Держась за стену, выпрямился. Саша потянулся кверху — не достать.

— На голову мне встань!

Цепляясь за камни, обдирая колени и руки, мальчик карабкался вверх, подталкиваемый сильными руками. Наконец навалился животом на гребень стены и глянул вниз.

— Возвращайся в Бор. Здесь ты очень приметный, — впервые улыбнулся ему серб.

И вдруг поспешно махнул рукой:

— Прыгай!

Саша спрыгнул на ближнюю крышу. Подогнул ногу, охнул, вскочил и, хромя, побежал к краю крыши. Спустился на другую, пониже, и с неё на землю...

Он бежал по узким улочкам, сворачивал в первые попавшиеся закоулки. Ему казалось, что участок всё ещё где-то рядом. Наконец, уже совсем обессиленный, он увидел рожицу деревьев за забором. Толкнул полуоткрытую калитку. Заскочил во двор, упал лицом в траву. Отдышался. Опрокинувшись на спину, перекатился с боку на бок, хотел перекувырнуться и сел.

Нужно было решать, куда идти... А идти было некуда. В Земун не пустят... Вернуться в Бор? Нет, там «дядька» житья не даст.

Где-то поблизости послышались голоса. Малыш спрятался за дере-

вом. Мимо забора прошли два полицейских. Возможно, они ищут его.

— У, сербские собаки! — выругался он, точь-в-точь как «дядька» Андрей. И вдруг, словно в тумане, всплыла в его голове мысль: — «А ведь тот долговязый в участке, что посадил его, — тоже серб, как и полицейские! И Пётр... серб. Вот к кому нужно идти. Он же на станции служит и может узнать, куда увезли вчера русских женщин...»

Саша поднялся. Задарская, дом 3... Он уже представил себе, как подходит к этому дому. Но рядом полицейский участок. Нет, больше он туда не сунется. Эх, как он сразу не подумал, надо прямо на станцию идти...

Долго плутал он, пока не вышел на площадь перед вытянутым зданием вокзала. Прогромыхал трамвай. Вышедшие из него люди направились к зданию. Среди них было много военных в немецкой форме.

Саша обогнул здание, прошёл мимо путей и взобрался на платформу, у которой стоял железнодорожный состав: на открытых площадках громоздились зачехлённые орудия, бронемшины.

И на других путях виднелись немецкие воинские эшелоны. Свесив ноги, солдаты сидели на снаряжных ящиках, у края дверей теплушек. Плотный голубоглазый солдат играл на губной гармошке, да так складно, что Саша заслушался.

— Эй, шварцер! Ком хир! — Солдат, тоже слушавший музыку, улыбаясь, звал мальчика на платформу. Тут же подошло ещё несколько человек. Один из них навёл на Сашу фотоаппарат.

— Ахтунг! Внимание! И щёлкнул.

Посмеиваясь, двое взяли Сашу за руки и в картинной позе сфотографировались вместе с ним.

— О-ля-ля! Я придумал одну штуку, — какой-то солдат ринулся с платформы.

Серые клочки туч заслонили солнце, даже в этот полуденный час было по-осеннему промозгло и зябко. Но Саша не замечая холода в кругу этих весёлых парней.

— Эй, разойдись!

И солдат, убежавший куда-то, появился снова с полным ведром воды. Он смеялся, довольный придуманной шуткой, а остальные, поглядывая на мальчишку, вторили ему.

У Саши защемило сердце: что-то плохое затевается против него. Он начал было двигаться к противоположному краю платформы — прыгнуть и нырнуть под вагоны дело не долгое. Но его схватили за рубашку.

— Мыться! — на ломаном сербском языке пояснили ему.

— Снимай! Надо снимать всё!

С него сдёрнули одежду и облили водой с головы до ног. Вокруг собралась толпа. Многие покатывались со смеху, глядя, как, оставив ведро и паясничая, солдат трёт пальцем маленького негра и удивлённо пожимает плечами — кожа не стала белее.

Закусив губу, чтобы не всхлипнуть, мальчик стоял в кругу. Он давно привык к грубым шуткам и не обижался. Но то, что проделали с ним эти солдаты, было таким, отчего набухали слезами уголки глаз. А ветер, холодный, щиплющий, слизывал воду с тела.

— На, одевайс, — кто-то кинул ему одежду.

Посмеиваясь и лениво переговариваясь, солдаты занялись своими делами. А тот, который играл на гармонике, махнул рукой, когда Саша натянул штанишки:

— Вер! Иди!

Не успел Саша прыгнуть на платформу, как уткнулся в чёрный мундир человека, заслонившего дорогу. Крепкая рука приподняла голову малыша за подбородок. Он увидел фуражку с размашистым орлом и свастикой, лицо с выпяченной вперёд нижней челюстью. Голубые глаза под приспущенными веками внимательно разглядывали мальчишка.

«Ух ты, — мелькнуло у Саши в голове, — влип!» Он знал, кто это, — такие всегда торчали в Боре около здания полиции. Их называли «СС» и встречи с ними старались избегать.

— Ты кто?.. Откуда?.. Почему сюда пришёл?

Саша едва успевал отвечать. Эсэсовец огляделся, вынул из бокового кармана свисток и поднёс его к губам. Тотчас подскочили два солдата с нарукавными повязками.

— Суньте его в эшелон к макаронникам!

Несколько минут спустя Сашу приподняли и почти швырнули в открытую дверь товарного вагона. Вскоре лязгнули буфера, и поезд отошёл. Позади осталась станция, забитая эшелонами немецких солдат, двигавшихся на Восток, к городам и сёлам Советской страны.

В вагоне были смуглые парни, одетые в итальянскую солдатскую форму. Яростно жестикулируя, они о чём-то спорили между собой. Хлопали Сашу по плечу, ободряюще подмигивали... Певучий и быстрый их говор показался знакомым: он не раз слышал его в Боре, в рабочих кварталах.

— Итальянец? — Саша ткнул пальцем в ближайшего. И, чтобы показать своё знакомство с языком, произнёс слышанное где-то проклятье.

— О... о... Итальяно. Конечно, мы итальянцы. Смотри, мальчишка знает по-итальянски. Эй, мальчик, откуда ты? Как попал сюда?

Саша вспомнил таких же «дружелюбных» парней из немецкого эшелона и помрачнел. Но одно то, что он ехал в поезде полноправным пассажиром, было для него неизведанным и приятным ощущением. И не всё ли равно ему, бездомному, куда его везут?

Солдаты, чем-то взволнованные, выглядывали в дверь, переговариваясь то весело, то с тревогой.

Хотелось есть... За немногие годы своей жизни Саша убедился, что еду можно выпросить, украсть и изредка, когда имеются деньги, купить.

Взбираясь на нары, он зацепил за какой-то продолговатый предмет. Тихо тренькнула струна. Банджо! Перед глазами Саши всплыл зал ресторации, повар-француз и итальянец, певший ту песню. Малыш покосился на спутников и сначала тихо, а потом громче и громче, затянул её по-французски. Удивлённые итальянцы оглядывались, потом сгрудились вокруг. Один из них взял банджо, откуда-то появился аккордеон, и вскоре весь вагон подхватил песню.

А когда на одной из станций принесли канистры с едой, кто-то вручил Саше котелок, кто-то ложку, а дневальный наложил доверху макарон, длинных, как верёвки.

Саша схватил их ложкой, но они соскользнули. Тогда, обжигаясь, он прижал макароны к ложке рукой и под весёлые восклицания соседей отправил в рот. А пусть себе смеются, есть-то хочется!..

Так Саша стал своим человеком среди солдат итальянского батальона, отказавшегося ехать в Россию. Они потребовали отправить их домой. И вот их везли туда. Мелькали в проёме дверей незнакомые пейзажи.

На одной из станций эсэсовцы, сопровождающие поезд в особом вагоне, разбрелись вдоль вагонов

и после свистка приказали закрыть двери.

— Туннель. Секретный объект! И задвинули снаружи засовы.

V

В ГЕРМАНИИ. ◆ ЗНАКОМСТВО С КУРТМ ФИШЕРОМ И КАСЕЙ. ◆ ТОВАРИЩ ВЫРУЧАЕТ В БЕДЕ.

На следующей остановке дверь откатилась только после злых и яростных ударов прикладами. Саша стоял впереди с флягами: он готов был бежать за водой. Но в страхе отпрянул вместе с остальными. С платформы и из окон вокзала на них глядели короткие рыльца пулемётов. Держа автоматы на изготовку, в шеренгах стояли эсэсовцы. На вокзальной вывеске было написано по-немецки название станции: эшелон прибыл в Германию.

«Ахтунг! Внимание!» — прокричал голос в репродукторе, установленном на столбе. И затем на итальянском языке солдатам было прика-

зано немедленно покинуть эшелон, оставив оружие в вагонах.

«Предупреждаю: неповиновение хотя бы одного повлечёт массовые репрессии».

Вскоре безоружных солдат выстроили под охраной и угнали куда-то. А Сашу какой-то солдат по приказу офицера посадил в кузов грузовой машины.

Автомобиль помчался по мощёным каменными плитками-кирпичиками чистеньким улицам.

Ребятишки в тёплых пальтишках чинно шли с ранцами за плечами, женщины, держа в руках кошёлки, возвращались с рынка... Проехал ма-

ленький трёхколёсный грузовичок с кузовом, полный посыльных ящиков. Печата шаг, по мостовой прошёл отряд парней лет 15—16 в форме «гитлерюгендов» — молодых фашистов. Они лихо горланили песню.

На одной из улиц шофёр круто завернул в переулок и затормозил. Солдат-часовой открыл ворота, и грузовичок въехал во двор гарнизонной комендатуры.

Молодой полный офицер с бледным лицом выскочил из кабины грузовика и быстро подошёл к женщине, ждавшей его посредине двора. Щёлкнув каблуками, он склонился и поцеловал её руку:

— Матильда, в древности такие женщины, как вы, имели своих пажей-арапчат. Я счастлив, что и в наше время могу подарить вам пажа.

И, засмеявшись, он подтолкнул Сашу вперёд.

— Я дарю вам это.

— Боже, Эмиль, какое чудище!.. — женщину передёрнуло от вращения.

— А я-то надеялся, что доставлю вам удовольствие!

Послав Матильде воздушный поцелуй, офицер приказал Саше следовать за ним. Во внутреннем дворе они вошли в отдельный дом. В небольшой кухне у плиты готовила обед статная блондинка с пышной причёской.

— Здравствуй, красавица!

Глаза женщины смотрели холодно, но она улыбнулась и поздоровалась:

— О, пан комендант! Вы уже вернулись...

— Да. И привёз тебе подарок. Он будет помогать твоей дурочке. Только тут Саша заметил в углу девочку, склонившуюся над ведром с картофелем. Лицо её было низко опущено.

Офицер обернулся к Саше:

— Черномазый! Чтоб слушался её! Она полька, а польки женщины строгие.

И, чуть пружиня на носках, вышел. Затем вновь открыл дверь:

— Пропусти чумазога через дезинфекционную камеру. Скажешь, я приказал.

Женщина равнодушно оглядела Сашу, отвела его в прихожую и, отворив дверь, показала комнату. Там стояли три кровати.

— Будешь жить здесь вместе с нами...

С того дня Саша начал работать на кухне, где готовились обеды для старших офицеров комендатуры. Колол подвезённые солдатами дрова, растапливал плиту, выносил мусор, мыл пол... Эта работа ему была привычна.

Мальчик всё время вертелся среди пожилых солдат комендатуры, видел их то на складе, то при вывозке мусора.

Постепенно Саша начал понимать и говорить по-немецки. Он безо всякого труда запоминал новые слова и произношение. Чаще всего болтал со стариком возчиком Куртом Фишером. Тот каждый день доставлял на кухню дрова и вывозил помой. Посасывая трубку, он расспрашивал Сашу о Югославии, о городе Боре. Изредка рассказывал, как сам был проходчиком на шахте.

Особенно Саша был доволен тем, что старик иногда давал ему вожжи в руки. И, взобравшись на сиденье тачки, малыш управлял лошадей почти до самых ворот.

А однажды Фишер принёс старый, ободранный двухколёсный велосипед.

— Это тебе от внука...

Пани Бронислава (так приказала себя называть повариха) никогда не кричала на Сашу. Но ни разу и не приласкала. Она делала всё спокойно, размеренно. Иногда в голосе её появлялись раздражительные нотки, когда она обращалась к своей помощнице Касе. Говорили они польски, и Саша почти ничего не мог разобрать.

Кася, девушка лет шестнадцати, слегка прихрамывала. Волосы её были так заправлены под сдвинутый на самые брови платок, что она казалась бритой. А её большие голубые глаза всегда смотрели вниз.

Девушка отчуждённо поглядывала на Сашу, почти не разговаривала с ним. Вечером его впускали в комнату, когда Кася уже спала. Но од-

нажды, поздно вечером, Кася приподнялась на локте, тихонько спросила Сашу:

— Ты не спишь? Это правда, что комендант хотел подарить тебя своей Матильде?

— А тебе-то что?

— Да не сердись, я не хотела обидеть.

— А чего мне обижаться! Я бы всё равно удрал от этой Матильды.

— А куда убежишь, когда кругом «они»? — вырвалось у девушки. — Куда? Так и забили все дороги, улицы, щели. Саранча!

— Чего?

— Всё убили живое. Разве мы живём, как люди?

Она соскочила с постели. Тоненькая, стройная, с рассыпавшимися волосами пшеничного отлива, она показалась Саше красавицей из кинофильма.

— Кася! — укоризненно прикрикнула пани Бронислава.

— А что — Кася? — девушка обращалась к Саше по-прежнему по-немецки. — Разве я хуже любой из этих девиц, которые живут в этом городе? Почему я должна притворяться немой, некаистой? Почему? Оттого, что я полка?

Пани Бронислава опять заговорила, уже успокаивающе, ласково. Саша нахмурил лоб, ему было непонятно.

«А верно, почему девушка должна прятаться, если она красивая?

У них в Боре на неё все бы оглядывались. Она гораздо красивее Лёльки...»

Кася, прижавшись к пани Брониславе, всхлипывала и шептала что-то. Та молча гладила её волосы.

Саша закрыл глаза и подумал о Лине. Где она теперь? Может, тоже плачет сейчас. Эх, найти бы её! Он бы никому не дал её в обиду...

До сих пор у Саши не было мысли о побеге. Жилось ему сытно — пани Бронислава не обижала малыша. От солдат и офицеров он держался поодаль и за исключением старика Фишера ни с кем не разговаривал. Развлекался по-своему — вырезал из картофелин фигурки, а когда надоедало, вытаскивал велосипед, по-

даренный стариком, и учился ездить на нём, пока во дворе никого не было.

Саша до сих пор не задумывался, почему ему нельзя при людях кататься на велосипеде, ведь все ребята в этом городке гоняли на велосипедах в открытую по улицам. Он же не украл его!

С того вечера, когда Кася заговорила с ним откровенно, он подружился с ней. Саша узнал, что пани Бронислава чужая Касе, но, когда их гнали на работы из Польши в Германию, она заботилась о Касе, помогала ей. Когда комендант отобрал Брониславу для работы поварихой в комендатуре, та уговорила его взять и Касю.

Узнал Саша и про маленький чистенький польский город Торунь, где жила и училась в гимназии до прихода фашистских солдат Кася, про отца её, учителя истории местной школы, которого фашисты бросили в концлагерь за то, что он не хотел учить по фашистским учебникам... Мать её отправили с сотнями других жителей польского городка на работы в Германию. А она сама попала вот сюда. Семья не стало. И не знает она, найдёт ли когда-нибудь своих родных...

Саша поведал всё о себе, о Лине. И показал заветную открытку: он по-прежнему хранил её под стелькой башмака. Края открытки обтрепались. Кася заметила это и быстро вшила карманчик в Сашины штанишки. Туда он положил фотографию.

— Я всё равно разыщу Лину, — Саша упрямо мотнул головой.

— Она нравится тебе? — спросила задумчиво Кася.

— Да, Лина была очень хорошая, с ней можно было дружить по-настоящему.

— А мне ещё никто не нравился, Саша. — Она немного смешно произносила его имя. — А так хотелось бы встретить отважного и доброго человека, который бы не побоялся вступить за слабого и обиженного. Он стройный, высокий. У него открытый лоб, большие серые глаза или зелёные. И сильные руки...

Саша слушал её и видел себя высоким, стройным, с сильными руками, которыми он отбрасывал обидчиков Каси.

Как неожиданно скоро понадобились такие руки. Однажды вечером Кася готовилась ко сну. Распустила волосы и сбросила ненавистное платьемешок. Вдруг от резкого толчка отворилась дверь и вошёл комендант. Все оцепенели. Саша, уже лежавший на своём матрасе, боялся шелохнуться.

Комендант и сам, видимо, удивился. Он был слегка пьян.

— Вот как! — произнёс он наконец.

Словно очнувшись, Кася метнулась к постели.

— Стой! — резкий окрик коменданта остановил её. Она стояла к нему спиной, судорожно сцепив руки перед собой.

Пани Бронислава подошла к офицеру.

— Вы за мной? Я сейчас оденусь, — она поспешно натянула блузку, но дрожавшие руки плохо слушались.

— Нет... Теперь не за тобой. Пусть эта девица уберёт мой кабинет. Только сейчас же. Я люблю пунктуальность.

— Я сама уберу. — Пани Бронислава пыталась заслонить Касю, но комендант отстранил её:

— Через пять минут чтобы она пришла... Нет, я сам отведу её. Одевайтесь, фрейлейн! Что это у вас за платье? Завтра же наденете новое.

Комендант, ухмыляясь, посмотрел на Брониславу:

— Это ты из ревности превратила её в Золушку, да? Ну! Я долго буду повторять?! Я сказал — одеваться и идти со мной!

— Не пойду! — голос у Каси дрогнул, лицо стало серым.

— Вот как! Она, наверное, забыла, кто она?!

Комендант повернул к пани Брониславе лицо со злобно сжатым ртом:

— Ещё одно слово — и вы обе за обман немецкого командования и комедию, которую разыгрывали, будете отданы под суд. А потом попадёте по назначению. Польские женщины должны быть счастливы, когда на них обращает внимание ариец, представитель высшей расы. А что сказал фюрер? — «Человек не имеет ценности, если он не служит интересам германской расы!» Вот так...

Мольбы пани Брониславы не помогли. Комендант уходил, подталкивая впереди себя Касю. Та шла, всё время поправляя на голове платок, развязывая и снова завязывая всё ту же и ту же узел на шее.

Хлопнула дверь. Упала на постель Бронислава, подминая под себя одеяло, подушку: только бы не за-

кричать от ужаса!.. Боже! Матерь божья!.. Никому нет пощады... Доколе? Неужели навсегда так, как со скотиной?

Серой маленькой тенью метался по кухне мальчишка. Он думал лишь об одном: надо выручить Касю. Взять топор? Увидят... Выбить камнем окно?... Руки нашарили острые лучинки. Поджечь... Тогда тот бросится гасить огонь... А Саша кинется в кабинет, выведет Касю, и они

убегут: в воротах, через которые приезжает Фишер, есть лаз. Да, надо взять лучинки и ещё кочергу.

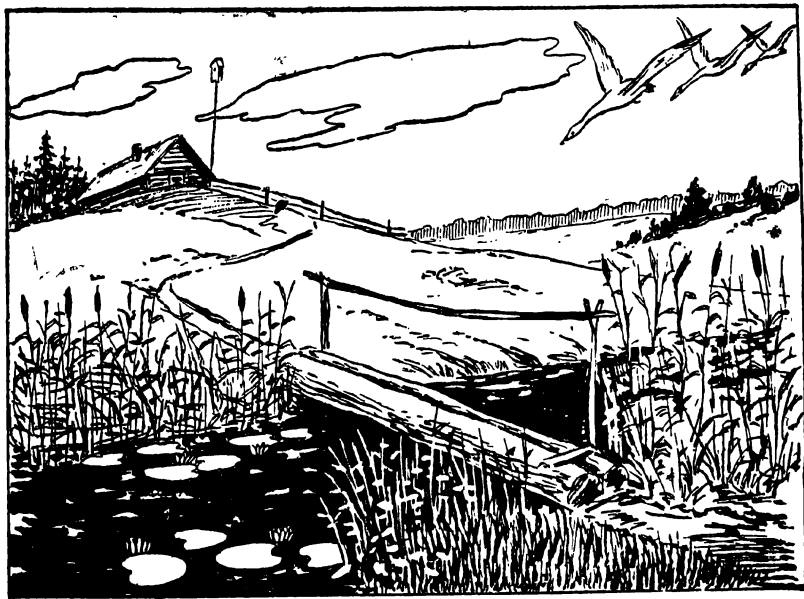
Мальчишка знал: сейчас только он один может выручить Касю.

Саша выбежал на улицу и стал бесшумно продвигаться вдоль стены одноэтажного здания штаба к кабинету коменданта. Замаскированные окна не пропускали света. Мальш отсчитывал их, нащупывая руками наличники... Вот уже третье.

(Продолжение следует)

Где Алёнушка и Иванушка?

(Загадочная картинка А. Илючека)

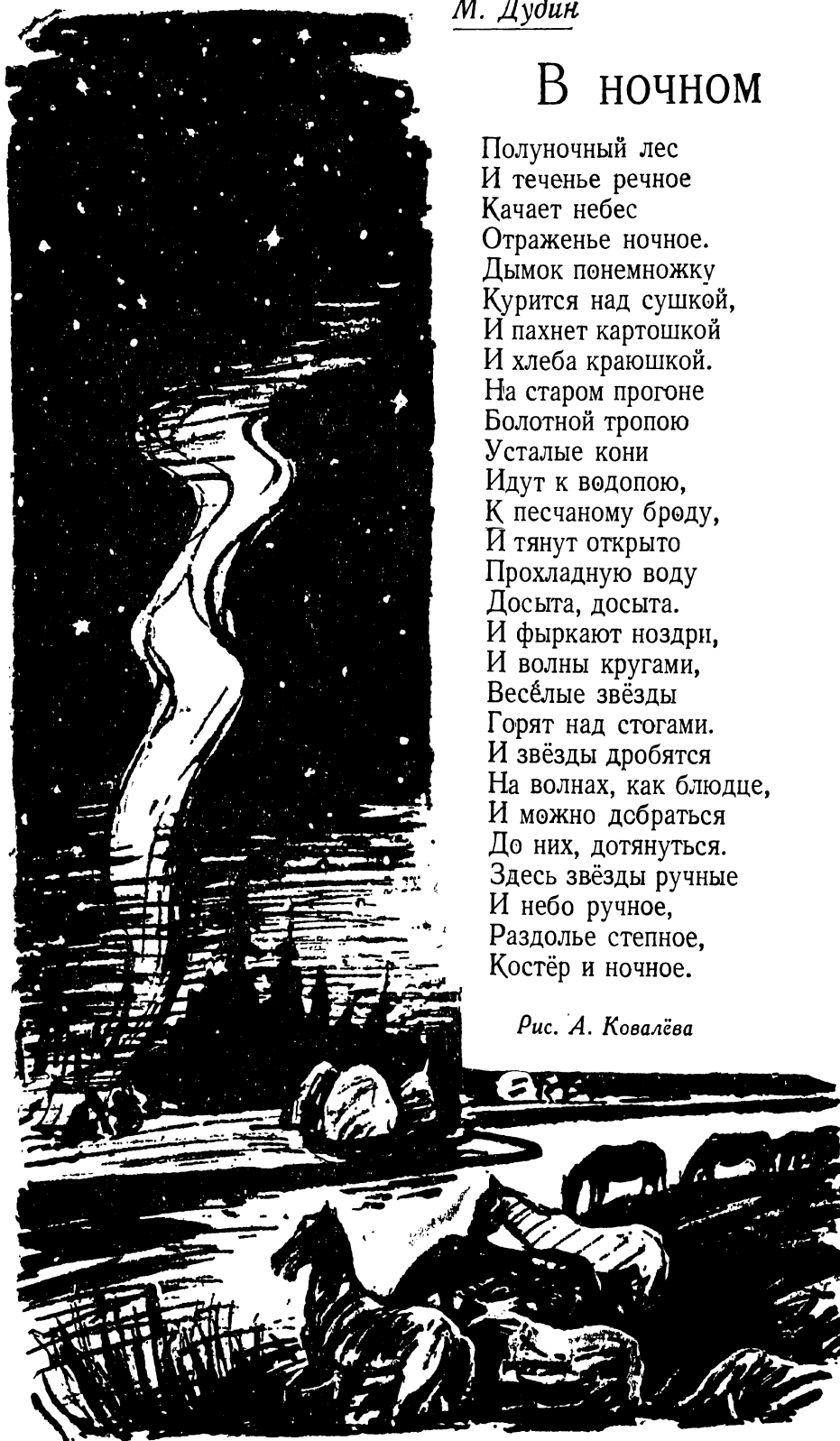
Этот рисунок к сказке «Гуси-лебеди» сделан по теме Юрия Шишмарёва — пятиклассника Озерской средней школы Ленинградской области. Найдите, куда спрятались от бабы-яги сестрица Алёнушка и братец Иванушка.

М. Дудин

В НОЧНОМ

Полуночный лес
И течение речное
Качает небес
Отраженье ночное.
Дымок понемножку
Куруется над сушкой,
И пахнет картошкой
И хлеба краюшкой.
На старом прогоне
Болотной тропею
Усталые кони
Идут к водопою,
К песчаному броду,
И тянут открыто
Прохладную воду
Досыта, досыта.
И фыркают ноздри,
И волны кругами,
Весёлые звёзды
Горят над стогами.
И звёзды дробятся
На волнах, как блюда,
И можно добраться
До них, дотянуться.
Здесь звёзды ручные
И небо ручное,
Раздолье степное,
Костёр и ночное.

Рис. А. Ковалёва

(Составил В. ГРЯЗЕВ)

	23	45	67	89	1011	12
1314	1516	1718	1920	2122	2324	2526
2728	2930	3132	3334	3536	3738	3940
4142	4344	4546	4748	4950	5152	5354
5556	5758	5960	6162	6364	6566	6768
6970	7172	7374	7576	7778	7980	8182
83	8485	8687	8889	9091	9293	94

НЕДАВНО отмечалось 150-летие со дня рождения великого русского писателя Н. В. Гоголя. В этой арифмограмме зашифрованы слова нашего славного соотечественника о любви к своему народу и к родной земле.

Определив значения семнадцати слов, расставьте их буквы в клетках фигуры, соответственно нормам.

1. Повесть Н. В. Гоголя — 89, 73, 82, 60, 63, 9.

2. Город на Украине, в котором учился Гоголь в 1821—28 годах, — 16, 79, 65, 46, 38.

Персонажи из комедии «Ревизор»:
3. — 20, 7, 18, 78, 58, 25, 34, 18, 87, 17. 4. — 23, 53, 15, 50, 1, 38, 22, 49, 69. 5. — 41, 29, 44, 30, 68, 5, 85, 71, 10.

6. Литературный журнал, в котором сотрудничал Гоголь, — 75, 19, 4, 18, 40, 91, 21, 16, 70, 3, 49.

7. Народный артист республики, постановщик комедии «Ревизор» в Ленинградском театре комедии — 17, 49, 61, 80, 34, 12.

8. Комедия Н. В. Гоголя — 59, 77, 54, 28, 42, 9, 56, 36.

9. Прогрессивный профессор, близкий идеям декабристов, у которого учился Гоголь в Нежинской гимназии, — 56, 24, 57, 86, 83, 67, 13, 6.

10. Декабрист-литератор, который совместно с Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда», пользовавшийся популярностью среди учащихся Нежинской гимназии, — 62, 90, 67, 33, 88, 2, 27, 10.

Персонажи из поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»: 11. — 52, 81, 32, 64, 49, 55, 4, 12. — 45, 86, 47, 20, 18, 31 6.

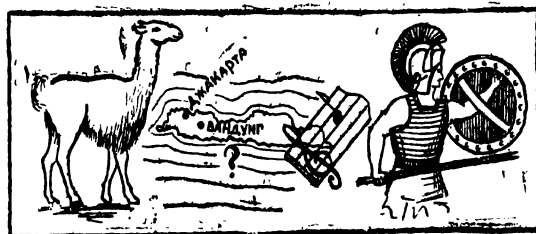
13. Вид искусства, который высоко ценил Н. В. Гоголь, — 35, 66, 36, 74, 18.

14. Повесть, вошедшая в сборник «Миргород», — 29, 39, 94.

15. Литературный приём, характерный для творчества Н. В. Гоголя, — 51, 37, 71, 18.

16. Пьеса Н. В. Гоголя, переработка неоконченной комедии «Владимир третьей степени» — 84, 76, 2, 62, 48.

17. Ленинградский композитор, автор балета «Тарас Бульба» — 8, 13, 26, 92, 12, 43, 14, 72, 11, 93, 20, 55, 94.

РЕБУС-АНАГРАММА

Разгадайте ребус и переставьте буквы полученных слов так, чтобы составилось название произведения И. С. Тургенева.

Сколько слов на букву „Т“?

ЕСЛИ вы внимательно рассмотрели все предметы, изображённые на этом рисунке А. Илючека, то заметили, конечно, что название большинства из них начинается с буквы «Т». Тут и... Впрочем, не будем подсказывать. Отыщите сами все предметы на букву «Т». Их на рисунке около 50, а может быть, и больше.

Только не торопитесь! Присылайте названия предметов, а не имена и глаголы. Не забудьте указать своё имя, фамилию, класс, школу и домашний адрес.

Фамилии читателей, которые раньше всех пришлют наибольшее количество слов на букву «Т», будут опубликованы в «Искорке» № 7.

ЗАГАДКА

(Прислал Серёжа ШЕБАЛКОВ, 38-я школа)

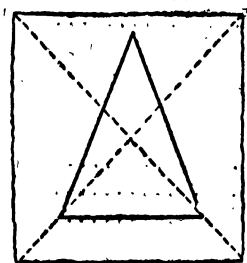
НАЙДИТЕ ломаную линию, следуя за которой можно прочесть интересную загадку. Загадку надо тоже разгадать. Только это не трудно, потому что каждый из вас хорошо знает предмет, о котором составлена загадка.

З В Е З Д А

(Составил Вадик А., 360-я школа)

НАРИСУЙТЕ тушью или чернилами (пожирнее) на квадратном листке кальки треугольник. Сложите листок два раза с угла на угол и посмотрите на свет. Вы увидите пятиконечную звезду. Это интересно, но звезда всё-таки неправильная...

А что нужно нарисовать вместо треугольника, чтобы на свет была видна совсем правильная звезда?

Кто быстрее?

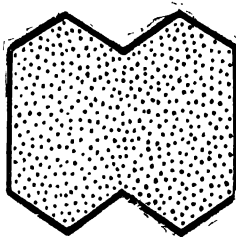
БОЛЬШИНСТВО читателей прислало правильное решение ребуса, опубликованного в «Искорке» № 3: «Испокон века книга растит человека». Только кое-кому оказалось незнакомо слово «испокон». Это — наречие, означающее: с давних пор, издавна.

Первыми правильные ответы прислали: девятилетний Саша Субботин (Дибунская школа), Наташа Литвинова (4-б класс, 358-я школа), Миша Киселёв (4-в класс, 359-я школа), Наташа Козлова (3-б класс, Новолодожская школа № 1), Зина Кустова и Люба Неменкова (6-а класс, Красноборская семилетняя школа, ст. Поповка), Стасик Поплавский (6-б класс, средняя школа № 1, г. Пикалёво, Бокситогорский район), Толя Ершов (шестиклассник Вырицкой семилетней школы № 4), Валя Тимофеева и Валя Яичкова (семиклассницы 13-й школы, г. Выборг), Володя Михайлов (третгеклассник Бородинской средней школы, Лесогорский район), Таня Шаблова (5-ж класс, 409-я школа, г. Пушкин), Миша Вороненко (4-а класс, 420-я школа, г. Кронштадт), Людмила Моливер (6-а класс, 402-я школа, г. Колпино) и Лилия Михеева (шестиклассница В-Услонской средней школы, Татарская АССР).

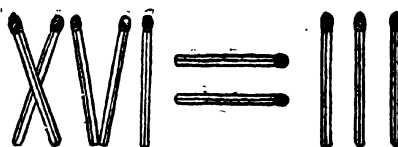
НА ПЯТЬ ЧАСТЕЙ

(Прислал Боря ПЕВНИЦКИЙ, 322-я школа)

Разделите эту фигуру на пять частей, равных по величине и по форме.

ПЕРЕЛОЖИТЬ СПИЧКУ

Переложив одну спичку, сделайте это выражение справедливым. Сколько решений имеет эта задача?

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 4]

КРОССВОРД

Слева направо, сверху вниз: 1. Китай. 2. Каток. 3. Кукушка. 4. Код. 6. Катод. 10. Колок. 11. Колонок. 14. Короб. 15. Колун. 16. Кон. Слева направо, снизу вверх: 5. Кит. 7. Кожух. 8. Кубок. 9. Каравай. 12. Койка. 13. Кокон. 17. Колос. 18. Кокос. 19. Колобок. 20. Куб.

РЕБУС

«Смело, товарищи, в ногу!»

КРИПТОГРАММА

Ключевые слова: 1. Грозоотметчик. 2. Рыбкин. 3. Кронштадт. 4. Выпрямитель. 5. Настройка. 6. Монтаж. 7. «Луч».

Слова А. С. Попова: «Я горд тем, что родился русским, и если не современники, то может быть потомки наши поймут, сколь велика моя преданность нашей Родине и как счастлив я, что не за рубежом, а в России открыто новое средство связи».

ЗАДАЧА-ШУТКА

Высочайшая вершина Кавказа — Эльбрус. Мы отнимем не букву-звук, а название буквы (эль). Получится — Брус. Эту гору вы легко найдёте на многих картах.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

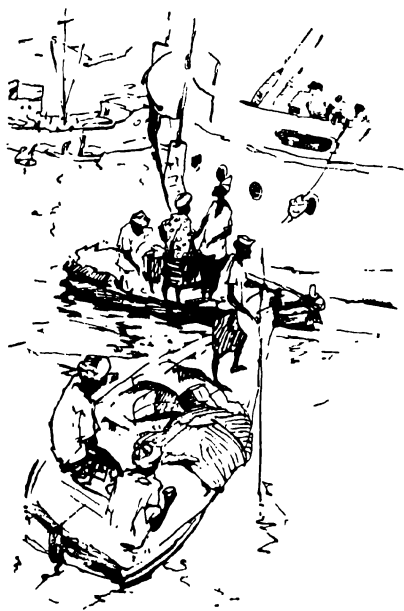
Гордо носим имя Ильича. Стихотворение В. Михайлова	1
Пионерский день рождения. (Текст к фотоочерку на 2-й стр. обложки)	2
Май. Стихотворение В. Горшкова	3
35 лет назад. Воспоминания Л. Подвойского	4
Четвёртое «чудо». Очерк А. Воронкова	6
Грозный. Рассказ Н. Боровкова	14
Творчество юных. Цель Славика. Стихотворение Раи Фёдоровой. Врач. Стихотворение Миши Каледина	17
Флейта и Афанасьевы. Рассказ Леонида Борисова . .	18
Любишь кататься, люби и... хозяина возить. Рассказ - в рисунках К. Бекташева	24
Осторожный. Басня Н. Садового	25
Правила. Рассказ Елизаветы Ауэрбах	26
Пионерская. Песня Бориса Кравченко на слова Германа Гоппе (текст на 28-й странице)	29
Ребятам-октябрятам. Грачиный городок. Неохота не хочу. Стихотворение и сказка И. Демьянова . .	30
Жираф. Черепаха. Стихотворения В. Каширина	34
Мяч в игре. Стихотворение Л. Гаврилова и В. Сулова	35
Об одном ленинградском мальчике. Очерк Н. Паперной и Л. Маграчёва	40
Твой брат. Продолжение повести Л. Видгопа и Я. Сухотина	43
В ночном. Стихотворение М. Дудина	60
Клуб смекалистых ребят	61
На первой и четвёртой страницах обложки — рисунки К. Бекташева.	
На второй странице обложки — фотоочерк «Пионерский день рождения».	
На третьей странице обложки — изоочерк «Путевые зарисовки».	

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57. Тел. А 4-48-51.

Сдано в набор 14/IV 1959 г. Подписано к печати 13/V. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 6,02
М-21757. Зак. № 599. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 руб. Тираж 75 000

Типография им. Володарского. Лениздат. Ленинград, Фонтанка, 57

5.

В Адене наш дизель-электроход окружили лодки торговцев самыми экзотическими товарами. Чего только здесь не было! Ковры, игрушки, сандаletы, фрукты, овощи — всё в куче и всё яркое, бросающееся в глаза. Здесь были вытянутые, как огурец, арбузы, а сами огурцы напоминали кривые турецкие сабли. Бананы и ярко-красные финики, ананасы, апельсины и кокосо-

вые орехи — прямо пестрит в глазах! Не менее интересны и торговцы в ярких кофтах и юбках.

6.

Сингапур — город контрастов. На берегу возвышаются небоскрёбы, а у их подножья на реке — другой город: «город джонок».

Тутчевые ЗАРИСОВКИ

(Окончание. Начало в № 4 «Искры»)

Джонки — это лодки. На них и работают и живут многие тысячи сингапурцев. На берегу им

для жилья не хватило места, и они поселились на воде, в своих джонках. Когда начинается отлив, джонки остаются на чёрном зловонном иле.

Но люди привыкли к этому и ни на что уже не обращают внимания. Здесь из поколения в поколение рождаются, растут и умирают простые люди Малайи...

7.

Вот и порт Лень-Юнь-Чан — цель нашего плавания. Пройдено более 30.000 морских миль, пересечено 11 морей и два океана.

Цепь голубых гор образует удобную бухту. В проливе много джонок. На них китайцы ловят рыбу, развозят грузы в ближайшие сосы.

8.

К вечеру рыбаки вернулись в порт. Опущены паруса. Близится ночь...

Цена 1 рубль

